

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Вэй Синьи

**ПРОБЛЕМА ПРАВСТВЕННОГО САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
В ПОЭЗИИ Н.А. НЕКРАСОВА**

Специальность:

5.9.1 Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор, Макеев М.С.

Москва 2023

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ЭВОЛЮЦИЯ ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ БЕЛИНСКОГО И ЕГО КРУГА	18
ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМА САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В ЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАННОГО ЧЕЛОВЕКА В ПОЭЗИИ НЕКРАСОВА	41
§1. СОЦИАЛЬНОЕ ЗЛО КАК ПРЕДМЕТ ИЗОБРАЖЕНИЯ В ПОЭЗИИ НЕКРАСОВА	41
§2. «ШЕЛЛИНГОВСКАЯ» ОБЪЕКТИВНОСТЬ КАК МОРАЛЬНО НЕДОСТОЙНЫЙ СПОСОБ ОТНОШЕНИЯ К ЦАРЯЩЕМУ В МИРЕ ЗЛУ В ПОЭЗИИ НЕКРАСОВА	45
§3. НЕВОЗМОЖНОСТЬ «ФИХТЕАНСКОГО» ЭСКАПИЗМА, САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ, УХОДА ОТ СОЦИАЛЬНОЙ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ ВО ВНУТРЕННИЙ МИР В ПОЭЗИИ НЕКРАСОВА	54
§4. «ГЕГЕЛЕВСКОЕ» ПРИНЯТИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ КАК ПУТЬ К НРАВСТВЕННОЙ ДЕГРАДАЦИИ В ПОЭЗИИ НЕКРАСОВА	63
§5. «РЕВОЛЮЦИОННОЕ» ОТНОШЕНИЕ К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ КАК ПУТЬ НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В ПОЭЗИИ НЕКРАСОВА	70
§6. ЧЕЛОВЕК ЧИСТОГО СЕРДЦА И БОЛЬНОЙ СОВЕСТИ. ИСПОВЕДЬ КАК ПУТЬ ОЧИЩЕНИЯ И САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В ПОЭЗИИ НЕКРАСОВА	78
ГЛАВА 3. ПУТЬ САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА ИЗ НАРОДА В ПОЭЗИИ НЕКРАСОВА	85
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	123
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	126

Введение

Проблема аксиологии некрасовской поэзии, системы ценностей, лежащей в ее основе, является одной из наиболее важных в современных исследованиях. Для последних десятилетий характерно стремление к пересмотру устоявшихся представлений о Некрасове как исключительно о «демократе», «революционном поэте», поставившем свою поэзию на службу борьбе за «светлое будущее» народа¹. Безусловно, имеющие под собой основания, такие представления в настоящее время производят впечатление как крайне узкие, не соответствующие подлинному содержанию некрасовского творчества, не способные дать надежную почву для его по-настоящему глубокого понимания. В публикациях, посвященных недавно завершившемуся некрасовскому юбилею, показано, что такие представления по-настоящему вредны, становятся серьезным препятствием даже в такой, казалось бы, вполне идеологически нейтральной области, как текстология Некрасова². Это обуславливает **актуальность** предпринимаемого нами исследования.

Общая слабая **разработанность** данной темы порождает две основных тенденции в переосмыслении некрасовской аксиологии. Первая из них может быть охарактеризована как «скептическая». Эта тенденция во многом имеет истоки еще в критике, которой Некрасов подвергался в 19 веке (при жизни и посмертно), критике, основанной на представлении о предположительно присущем поэту цинизме и внутреннем равнодушии к тому, что он описывает, и тем ценностям, которые в своих стихах проповедует³. В советское время такие

¹ В качестве образцов такого советского, «революционного» некрасоведения можно привести следующие работы: Базанов В.Г. Некрасов и русское освободительное движение // Некрасовский сборник. Вып. X. Л., 1988. С. 3-6; Горячкина М.С. Карающая лира // Н.А. Некрасов и русская литература. 1821-1871. М., 1971. С. 130-170; Жданов В.В. Некрасов. М., 1971.

² Макеев М.С. Некрасовская текстология в XXI веке: проблемы нового научного издания стихотворений Н. А. Некрасова в серии «Новая библиотека поэта» // Русская литература. 2021. №4.

³ Целый ряд ярких статей такой направленности перепечатан в вышедшей к юбилею поэта антологии. См.: Н. А. Некрасов: pro et contra, антология. Т. 1 СПб, 2022. С. 120-129 и 163-191 (статьи С.С. Дудышкина и В.Г. Авсеенко). Набор моральных претензий к Некрасову как поэту

нападки встретили отповедь со стороны К.И. Чуковского, сформулировавшего ставшую чрезвычайно влиятельной концепцию «двойственности» Некрасова как человека и художника⁴. Более мягкую и вдумчивую интерпретации этой пресловутой двойственности предложил Н.Н. Пайков, представивший внутренний мир Некрасова и мир его поэзии как существенно более сложный и одновременно менее «контрастный»⁵.

Эта «скептическая» традиция в постсоветское время обрела, можно сказать, «второе дыхание» благодаря переносу внимания исследователей с собственно творчества Некрасова на его предпринимательскую деятельность или, точнее, на проблему связи между Некрасовым-поэтом и Некрасовым-предпринимателем. Образцом такого исследования стала написанная в духе «новой экономической критики»⁶, направления, популярного в англоязычном литературоведении, недавняя монография М.С. Макеева⁷. В основе книги лежит представление о том, что в основе многих решений Некрасова-поэта лежали интересы экономического, попросту коммерческого характера. Хотя автор исследования, ставшего моделью для исследований «поэтической экономики», не делал таких выводов, она, несомненно, привела к некоторому перекосу в понимании нравственной проблематики в поэзии Некрасова, вызвала снова к жизни представления о «цинизме» и расчетливости поэта и отсутствии у него какой-либо системы ценностей.

Мы не можем не признать, что такие выводы сами по себе не являются настоящей проблемой для нашего исследования. Мы в работе обращаем внимание на систему, присутствует в поэтическом творчестве Некрасова, которое является **объектом** изучения в данной работе. Вопрос же о том, верил ли он «искренне» в те ценности, которые провозглашал, считаем нерешаемым и по сути

и журналисту, редактору содержала брошюра М.А. Антоновича и Ю.Г. Жуковского «Материалы для характеристики современной русской литературы» (СПб., 1869).

⁴ Чуковский К.И. Поэт и палач // Чуковский К. И. Некрасов: Статьи и материалы. Л., 1926.

⁵ Пайков Н.Н. Человек жизненной рутины в поэзии Н.А. Некрасова / Русская литература. 2006. №4.

⁶ См. о нем The New Economic Criticism. Studies at the Intersection of Literature and Economics. Routledge, 1999.

⁷ Макеев М.С. Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель. М., 2009.

нерелевантным, сама степень этой искренности, критерии этой искренности, заметим, остаются неясными и для самих обвинителей поэта. Коммерческая, прагматическая ориентация текстов может стать проблемой только в том отношении, что сама смена ценностей, отказ от одной системы и принятия вместо нее другой, в этом случае лишен органичности, не основан на внутренних органических интеллектуальных и эмоциональных предпосылках. В настоящей работе, не касаясь (но и не отрицая) возможностей того, что какие-то решения ценностного характера Некрасов мог принимать и под влиянием чисто внешних причин (примером может служить, конечно, печально знаменитая «муравьевская ода» или, скажем, первоначальная четвертая часть поэмы «Тишина», введенная туда по исключительно прагматическим соображениям и впоследствии исключенная – есть и другие хорошо известные примеры такой моральной «прагматики» у Некрасова), мы исходим из того, что в поэзии Некрасова присутствует консистентная система, основанная на неизменных базовых ценностях, неотъемлемая от поэзии Некрасова независимо оттого, по каким соображениям она была изначально принята.

Вторая тенденция возникла в недрах того, что условно можно назвать «религиозным литературоведением», такие представители которого, как И. А. Есаулов⁸ и М.М. Дунаев⁹, полагают, что всякая «настоящая» литература имеет и даже должна иметь христианский характер, нести в себе христианские нравственные принципы. Соответственно наличие таковой обнаруживается и у поэтов и писателей, никогда не называвших себя христианами, не заявлявших о своей вере (например, у А.А. Фета). Очевидно, такие исследователи исходят из представлений о каком-то врожденном или неизбежно «с молоком матери» уже в детстве усваиваемом христианском мирозерцании будущего писателя, который так же фатально и неизбежно переносит его в свои произведения. Главным представителем этого направления в некрасоведении является В.И. Мельник, в многочисленных работах стремящийся «выявить» в стихотворениях и поэмах

⁸ Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М., 2004.

⁹ Дунаев М. М. Преступление перед будущим. М., 2006.

Некрасова и религиозную христианскую символику, и христианскую ценностную картину мира и бытия в нем человека, христианскую аксиологию¹⁰.

Такое направление, однако, именно в случае некрасовской поэзии особенно отчетливо обнаруживает свою теоретическую и «практическую» слабость. Совершенно очевиден его тенденциозно-субъективный характер: единственно возможными признаются христианские религиозные ценности, отвергаются как «ложные» любые другие представления об этике и нравственности. Ценности навязываются поэтам в «обязательном порядке», при этом игнорируются, как-то обходятся стороной факты равнодушия или даже презрения того или иного писателя к церкви и религии (в том числе Некрасова). Сам анализ текстов превращается в упорное выискивание в текстах символики: часто исследователь придает преувеличенное значение малозначимому в общем контексте слову или высказыванию (в котором автор по привычке употребил какое-нибудь слово, способное иметь в том числе христианские коннотации, например «крест» или «грех») и игнорирует все, что в том же тексте таким трактовкам противоречит.

В нашей работе мы отвергаем самую ложную дихотомию, лежащую в основе таких исследований (подразумевающую, что все другие ценности являются заведомо ложными), и исходим из понимания Некрасова как поэта, не воспитанного, не сформировавшегося в духе христианской морали, никогда не испытывавшего желания перейти в лоно православной церкви. Это не мешало ему быть художником ценностно ориентированным, поэтом, для которого наличие безусловных нравственных истин и императивов, подвергающихся угрозе в современной жизни человека, является одним из важнейших оснований, своего рода нервом его творчества, важнейшим творческим импульсом. При этом нравственные истины имеют, так сказать, секулярный характер, имеют своим истоком концепции, с одной стороны, восходящие к идеям Просвещения (в наиболее радикальном, революционном изводе, восходящим к фигурам предводителей Конвента), с другой – к некоторым идеям и концепциям немецкой

¹⁰ Мельник В.И. Поэзия Н. Некрасова в свете христианского идеала. М., 2007.

классической философии (в первую очередь, трудам Шеллинга, Фихте и Гегеля). И те и другие были восприняты Некрасовым через круг либералов-западников 1840-х годов, в первую очередь, благодаря общению и настоящему «ученичеству» у одного из лидеров этой группы – В.Г. Белинского.

Такой тезис, об огромном влиянии Белинского на Некрасова, конечно, ни в каком смысле не является «новым». Он был безоговорочно принят в советском литературоведении (см. работы К.И. Чуковского¹¹, В.А. Архипова¹², В.Е. Евгеньева-Максимова¹³ и проч.). Проблема, однако, заключается в том, что и самого Белинского советское литературоведение сводило к «революционному» «неистовому Виссариону». Упрощенный Некрасов возводился к упрощенному Белинскому. В настоящем исследовании мы стремимся показать, что и система взглядов, и присущая ей аксиология, унаследованная Некрасовым от великого русского критика, сложна и богата, а размышления над ней порождают не только «революционную поэзию», смысл которой сводится к набору лозунгов, но сложную и насыщенную богатым содержанием поэтическую рефлексию.

Важно при этом сделать две оговорки. Прежде всего, мы полагаем, что верность принципам, воспринятым от Белинского, пронесенная Некрасов через весь его творческий путь, нельзя воспринимать только как догматическую верность букве, упорное повторение раз и навсегда заученных и принятых пропозиций. Некрасов воспринял одновременно с базовыми ценностями Белинского и внутренне присущие их системе противоречия, не отвеченные вопросы, следовательно, живую мысль, которая будет позволять ему давать на центральные нравственные вопросы разные ответы, делать разные выводы в разное время. Поэтому искать логически выстроенную моральную систему Некрасова не следует. Аксиология Некрасова представляет собой некоторый набор базовых ценностей (отчасти поддающихся разной интерпретации), связи между которыми, соотношения между которыми часто представляют проблему.

¹¹ Чуковский К.И. Мастерство Некрасова. М., 1955.

¹² Архипов В.А. Поэзия труда и борьбы. Очерки творчества Н.А. Некрасова. М., 1973.

¹³ Евгеньев-Максимов В.Е. Жизнь и деятельность Н.А. Некрасова. Л., 1947.

Отсюда следует и то, что говорить об эволюции некрасовской системы ценностей в буквальном смысле, как о поэтапном движении, включающем в себя периоды, «эпохи», радикально отличающиеся от предшествующих и последующих, также не приходится. Речь идет об одновременно неподвижной (в своих базовых понятиях) и меняющейся системе, поступательную эволюцию которой проследить невозможно и не имеет смысла. Именно в таком подходе к изучению аксиологической системы Некрасова заключается в первую очередь **научная новизна** данной работы.

В задачу нашего исследования не входит реконструкция этой аксиологической системы в ее полноте. Центральным предметом изучения выбирается только одно понятие – нравственное самосовершенствование. Выбор его обусловлен двумя обстоятельствами. Прежде всего, важным местом этого концепта в любой моральной системе, местом, которое до некоторой степени можно назвать центральным. Дело в том, что понимание этого концепта предполагает понимание некоторых существенных предпосылок: прежде всего, насколько совершенствование неизбежно и/или необходимо для человека. Оно также требует решения целого ряда вопроса, среди которых проблема того, что представляет собой человеческая природа, человек как таковой, добр и совершенен человек по своему рождению или рождается во зле и потому нуждается в самосовершенствовании? Если человек рождается совершенным, но «портится» в процессе жизни, то что обуславливает это падение? В чем должно заключаться это совершенство, что человек должен обрести в его итоге? Какие средства необходимы для самосовершенствования? Что является для него препятствием? Какие признаки состояния уклонения от совершенства и что, собственно, является злом, а что добром, какие черты являются пороками, от которых надо избавляться в процессе самосовершенствования, а какие – добродетелями, которые надо развивать или воспитывать? Описанные только некоторые вопросы уже, на наш взгляд, демонстрируют необходимость для понимания этого концепта понимания всей аксиологической системы.

Другая причина – значимость идеи самосовершенствования для поэзии Некрасова. Речь идет не только о количественном присутствии данного мотива (произведений, историю героев которых можно охарактеризовать как историю совершенствования, очень много и все они привлекут наше внимание). Разделяя концепцию Б.О. Кормана о «ролевом» характере поэзии Некрасова¹⁴, мы при этом не можем не акцентировать внимание именно на понятии «лирика». Вопреки многим критикам, называвшим некрасовскую поэзию «дидактической»¹⁵, мы присоединяемся к мнению В.В. Гиппиуса, выдвинувшего концепцию особенной биографичности некрасовской поэзии¹⁶. Некрасов не является простым дидактиком, излагающим нравственные поучения в стихотворной форме (подобный Сумарокову или, если брать более близкий пример, – Державину). Он, в первую очередь, сильный лирик, показывающий мир человеческой души. Нравственные ценности входят в его поэзию прежде всего через переживание их героями его стихотворений и поэм. Эти герои (как Влас из одноименного стихотворения или лирический герой стихотворения «Я за то глубоко презираю себя...») переживают свое отпадение от высших ценностей, судят себя или оправдывают свои проступки, обещают себе и читателям встать на путь совершенствования или уже находятся на этом пути и тем самым утверждают непреложность для человека этих ценностей. Именно поэтому идея нравственного самосовершенствования является едва ли не самым подходящим «ключом» к пониманию некрасовской аксиологии, аксиологии, проявляющейся в форме сильной лирической или лиро-эпической поэзии.

Очерченные задачи определяют круг материала, избираемого для анализа. Им является вся поэзия Некрасова за некоторыми исключениями, требующими пояснения. Из поля нашего зрения исключаются прежде всего произведения ранние, входящие в сборник «Мечты и звуки» (и написанные в его духе, как, например, «День рождения»). Мы в этом случае, вопреки некоторым попыткам

¹⁴ Корман Б.О. Лирика Некрасова. Ижевск, 1978.

¹⁵ Среди таковых были и Дружинин, и Дудышкин, и Ап. Григорьев, и Буренин.

¹⁶ Гиппиус В.В. Некрасов в истории русской поэзии XIX века. // Гиппиус В.В. От Пушкина до Блока. М., - Л., 1966.

исследователей увидеть в них закономерный этап в творческом развитии Некрасова¹⁷, разделяем представления об особом месте этих стихов в корпусе поэзии Некрасова как своеобразном «фальстарте», ложном пути, не соответствующем его подлинным чувствам. Во-вторых, исключаются произведения, так сказать, «функциональные», написанные по заказу (например, «Юность Ломоносова», «Федя и Володя» и им подобные, созданные в 1839-1841 гг.), а также куплеты из водевилей, написанных под псевдонимом «А.Перепельский» и стихотворные переделки мелодрам. В них, как и в «мечтах и звуках», конечно, можно легко обнаружить идею самосовершенствования, однако она выражена примитивно и не выходит за пределы узкой школьной дидактики (например, ленивый ученик в результате морального урока, полученного от мудрого учителя отказывается от лени и будет хорошо учиться, злой мальчик под воздействием товарищей становится добрым). Тексты первого и второго типов могут привлекаться только для наглядного сопоставления, позволяющего выявить серьезность поставленных в зрелых произведениях нравственных проблем. Мы осознаем, что граница между ранним фельетонным (коммерческим) и зрелым творчеством в случае Некрасова достаточно подвижна и неопределенна (что отражено, например, в структуре последнего Полного собрания сочинений Некрасова, в котором в раздел приложений, предназначенный для «несерьезных» текстов, попали такие произведения, как «Чиновник» или «Говорун», самим Некрасовым все-таки включавшиеся в собрания своих стихотворений). Такие произведения, которые относятся к «переходным», поэтому также будут находиться в поле нашего зрения.

Для целей нашего исследования малое значение имеет жанровый принцип классификации текстов. Разделение некрасовских произведений на лирические стихотворения и поэмы всегда вызывало затруднения у исследователей и публикаторов. В основе этого затруднения лежит размытость, нечеткость границ между эпическим и лирическим началами в художественном сознании Некрасова.

¹⁷ См., например, Пайков Н.Н. Феномен Некрасова. Ярославль, 2000.

Эту размытость границ мы вслед за А.М. Березкиным¹⁸ и Н.Н. Пайковым¹⁹ считаем необходимым осмыслять как принципиально важную фундаментальную черту художественного мира Некрасова. Поэтому, всегда имея в виду отличия героя того или иного произведения от лирического героя Некрасова, а также отличие лирического героя от самого автора, мы, однако, будем исходить из способности поэта выражать через слова и поступки вымышленного или реального, «объективно» изображенного персонажа близкие (или, наоборот, далекие, враждебные) ему самому нравственные принципы. Эта субъективность, как мы показываем в первой главе нашего исследования, есть сама производная от этической системы, лежащей в основе некрасовской поэзии.

Существенно более важным для данного исследования представляется другой принцип деления некрасовской поэзии, который можно назвать тематическим. В аспекте нашей работы необходимо разделить стихотворения и поэмы, в которых на первом плане находится образ человека круга самого Некрасова – представителя образованного сословия, и стихотворения, где описывается нравственный духовный мир крестьянина, человека из народа. Изначальной гипотезой не может не быть в данном случае представление о фундаментальном различии их этических систем, а суждение об их единстве или гомологии может стать только результатом подробной аргументации, к которой мы и собираемся прибегнуть.

Еще одна оговорка необходима к словосочетанию «вся некрасовская поэзия». Речь не идет о «сплошном», исчерпывающем чтении и анализе всех (за оговоренными выше исключениями) некрасовских поэтических текстов. Речь не идет о педантичном чтении всех абсолютно текстов, где можно заподозрить присутствие мотива самосовершенствования. Мы полагаем, что такой необходимости нет и оставляем за собой право делать выбор произведений, наиболее репрезентативных, наиболее характерных для иллюстрации того или

¹⁸ Березкин А. М. Семантика компоновки: авторские построения поэтических сборников Некрасова // Некрасовский сборник [Вып.] XIV. СПб., 2008. С. .

¹⁹ Пайков Н.Н. Творческая личность, самосознание художника и творческая индивидуальность Н.А. Некрасова. М., 2022.

иного способа решения проблемы нравственного самосовершенствования, волновавшей Некрасова. Менее репрезентативные тексты будут упоминаться более бегло. Таким образом, под «всем творчеством» понимается то, что в работе не делается никакого временного и жанрового ограничения для отбора текстов для анализа. К анализу привлекаются в качестве вспомогательного средства также нехудожественные тексты Некрасова – письма, автобиографические записи, фрагменты из дневников. Все тексты цитируются по Полному собранию сочинений и писем 15 т. (Л., - СПб., 1981-2000) с указанием в скобках номера тома, книги (если том делится на две книги) и страницы.

Методологическую основу нашего исследования составляют несколько работ, на которые мы опираемся. В понимании общих принципов поэтики Некрасова мы принимаем одновременно и концепцию «ролевой лирики» Б.О. Кормана²⁰, и представление об особом «личностном» характере его поэзии, развернутые в работах Л.Я. Гинзбург²¹ и В.В. Гиппиуса²². Вживание во внутренний мир «другого» - представителя иного сословия, иного психологического типа, на наш взгляд, не отменяет авторской «субъективности», способности выразить в своеобразном диалоге с «другим» свою собственную моральную озабоченность, обозначить свои собственные пути решения моральных проблем.

Понимание общей связи литературы и аксиологии, характерного для русской литературы 19-го века соединения нравственного и эстетического начал мы черпаем из взвешенных, лишенных агрессивной идеологичности работ В.Е. Хализева²³. В понимании самого «устройства» ценностной системы, структуры нравственных императивов, определяющей характер идеи нравственного самосовершенствования, мы опираемся, в первую очередь, на работы М.С.

²⁰ Корман Б.О. Указ. изд.

²¹ Гинзбург Л.Я. О лирике. М., 1997.

²² Гиппиус В.В. Некрасов в истории русской поэзии XIX века. // Гиппиус В.В. От Пушкина до Блока. М., - Л., 1966.

²³ Хализев В.Е. Ценностные ориентации русской классики. М., 2005.

Макеева²⁴, в которых исследователь, перерабатывая, с одной стороны, концепции «дискурсивных формаций» Мишеля Фуко²⁵, с другой – проблематику «социологии знания», как она представлена в трудах К. Манхейма²⁶, предлагает модель, согласно которой присущий личности образ мира и человека строится как основанный на нескольких немногочисленных базовых ценностных положениях, утверждениях или принципах, установление правильных, логических связей между которыми и устранение возникающих на этом пути противоречий и составляет основу работы мышления, желающего создать логичную, непротиворечивую картину мира. Мы экстраполируем эту концепцию на более узкое поле аксиологической картины, при этом стараясь избежать присущей, с нашей точки зрения, данной работе тенденции к чрезмерному упрощению связей между литературой и жизнью, текстом и действительностью.

Целью данной работы является установление содержания понятия нравственного самосовершенствования человека, анализ путей, которыми должен идти этот процесс, как он показан в поэзии Некрасова, определение места этой проблематики в системе нравственных ценностей, лежащей в основе художественного мышления Некрасова.

Для достижения этой цели предполагается выполнить следующие **задачи**: проанализировать стихотворные произведения Некрасова разного времени и разных жанров, в которых появляется и изображается процесс нравственного самосовершенствования, рассмотреть психологический и интеллектуальный комплекс, связанный с этой идеей, рассмотреть нравственные основания и цели, к которым ведет самосовершенствование в поэзии Некрасова.

Структура работы. Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения и Библиографии. Во **Введении** обсуждается актуальность поднятых в исследовании вопросов, ставятся задачи, объясняются его методологические основания. **Глава первая** посвящена реконструкции системы этико-философских взглядов круга

²⁴ Макеев М.С. Спор о человеке в русской литературе 60-70 гг. XIX века. Литературный персонаж как познавательная модель человека. М., 1999.

²⁵ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

²⁶ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.

либеральных западников - и прежде всего Белинского - в их эволюции. Здесь определяется тот интеллектуально-нравственный «багаж», который достался Некрасову по наследству от своего наставника, багаж, который поэт будет творчески перерабатывать на протяжении всего творческого пути. **Глава вторая** посвящена идее самосовершенствования, как она формируется в сознании человека из мира, близкого самому Некрасову, то есть мира образованного интеллигента-разночинца. **Глава третья** посвящена изображению в поэзии Некрасова причин, целей и способов самосовершенствования человека из народа, представителя другого мира, иного нравственного универсума. При этом проводится сопоставление двух этих миров и выявляются причины, по которой этот мир Другого привлекает Некрасова. В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования, делаются основные выводы. **Библиография** содержит как работы, прямо цитированные в нашем исследовании, так и те, с которыми мы ознакомились, как с имеющими непосредственное отношение к нашей теме, результаты которых, однако, не понадобились для наших собственных размышлений.

На обсуждение выносятся следующие положения:

1. Проблематика пути самосовершенствования личности играет в поэзии Некрасова важную роль, представляя собой едва ли не ее центральный смыслообразующий элемент.

2. Некрасов усвоил от Белинского и его единомышленников не только ту «революционную» систему моральных ценностей, основанную на радикальном отрицании общественно-политической «действительности», которая сложилась у великого критика и его круга на последнем этапе идейной эволюции (на котором Некрасов и присоединился к этому кругу, став своего рода учеником Белинского), но и те системы, через которые Белинский и его единомышленники прошли как через идейные вехи на пути к таким ценностям.

3. Эти системы основаны на разных способах отношения к действительности и, соответственно, на разных представлениях о требуемом для человека, желающего обрести смысл жизни, прожить жизнь, стоящую

проживания, пути самосовершенствования: «шеллингианский» (путь незаинтересованного художника, созерцающего мир с эпическим спокойствием и равно приемлющего все его явления и движущегося к эстетическому совершенству), «фихтеанский» (путь эскапизма, погружения в свой внутренний мир, полного абстрагирования от социальной действительности, обретения моральной «автономии» и самодостаточности), «гегельянский» (путь к разумному принятию наличной действительности, примирения с нею как с, в свою очередь, «разумной» и даже в случае ее видимого несовершенства представляющей собой закономерный и неизбежный этап в осуществлении абсолютной гармонии) и «революционный» (основанный на радикальном неприятии действительности как несправедливой и нуждающейся в безотлагательном и тотальном переустройстве, путь воспитания в себе борца за счастье обездоленных людей).

4. Если для Белинского первые три типа отношения к действительности располагаются в диахронии, как пройденные, пережитые этапы, каждый из которых был отброшен, поглощен следующим, и на новом этапе воспринимался как ложный, связанный с заблуждением, то в случае Некрасова все эти моральные системы располагаются в синхронии, как совсем не утратившие привлекательности и по-прежнему возможные для сознательного этического выбора.

5. В поэзии Некрасова изображен еще один, пятый, тип отношения к действительности. Это позиция человека развитого и благородного, гуманного, способного видеть зло в мире и не желающего с этим злом мириться, принимающего разные способы ухода от этого зла, разные способы борьбы и исправления этого зла. Ключевыми понятиями становятся «больная совесть» и «чистое сердце», а важнейшим средством самосовершенствования – поэтическая исповедь, признание собственного несовершенства.

6. В своих «народных» произведениях Некрасов создает аналогичное проблемное поле со сходными проблемами. При этом эти проблемы могут решаться подобным образом, а могут иначе, могут столь же настоятельно требовать разрешения, а могут оказаться незначимыми, нерелевантными.

Вопросы, не поддающиеся решению в сложном и противоречивом мире образованного человека, могут находить легкие решения в простом и построенном на более ясных понятиях народном мире.

6. Эта гомология придает единство и органическую целостность всему художественному миру Некрасова, основанному на общности базовых ценностей, универсальном характере нравственных проблем, с которыми, как показывает поэзия Некрасова, сталкивается любой человек на пути своего самосовершенствования.

Достоверность и научная обоснованность результатов исследования определяется системным подходом к анализу полного корпуса некрасовских поэтических текстов, использованием апробированных и традиционных литературоведческих методов, опорой на авторитетные научные концепции поэтики Некрасова и литературной аксиологии.

Теоретическая ценность диссертации заключается в том, что в работе предлагается оригинальный подход к пониманию и изучению литературной аксиологии.

Практическая ценность диссертации заключается в том, что результаты работы могут быть использованы как в общих курсах истории русской литературы второй половины XIX века, так и в специальных курсах по истории русской поэзии, по литературной аксиологии, а также жизни и творчеству Н.А. Некрасова.

Апробация работы. Основные результаты проведенного исследования отражены в пяти опубликованных автором статьях (список которых представлен ниже), а также в докладе на десятой Всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых «Европа в Средние века и Новое время: общество, власть, культура» (Удмуртский государственный университет, Ижевск, 6—7 декабря 2022 г.).

Работа прошла апробацию на кафедре истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова при защите НКР и предзащите диссертации.

Список опубликованных работ по теме диссертации:

1. Вэй Синь. Как отличить пьяного от голодного? (К интерпретации стихотворения Н.А. Некрасова «Филантроп») // Litera. – 2022. – № 6. Страницы. 75-83. (ВАК)
2. Вэй Синь. Крестьянская реформа 1861 года в поэме Н.А. Некрасова «Коробейники» // Litera. – 2022. – № 7. - С. 10-18. (ВАК)
3. Вэй Синь. Использование ценностного метода в литературоведческих исследованиях (к интерпретации творчества Н.А. Некрасова в аксиологическом аспекте)» // Litera. – 2022. – № 8. - С. 10-18. (ВАК)
4. Вэй Синь. Мир детства в поэзии Н.А. Некрасова // Культура и цивилизация. - 2022. - Т. 12. - № 5А. - С. 610 - 623. (ВАК)
5. Вэй Синь. Самоубийство в свете аксиологии поэзии Н. А. Некрасова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2022. - Т. 15. - Вып. 9. С. 2781-2786.

Глава 1. Эволюция философско-этических взглядов Белинского и его круга

Значение Белинского и его окружения в становлении Некрасова как личности и как поэта трудно преувеличить. Сам Некрасов до конца жизни подчеркивал ее и в стихах, и в прозе:

Кто в человеке брата видит,
Кто зло клеймит и ненавидит,
Чей светел ум и ясен взгляд,
Кому рассудок не теснят
Преданья ржавые оковы,—
Не все ль они признать готовы
Его учителем своим?.. (4, 8)

Подобные утверждения встречаем в «лирической комедии» «Медвежья охота»:

Белинский был особенно любим...
Молясь твоей многострадальной тени,
Учитель! перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени! (3, 19)

В письме Салтыкову-Щедрину Некрасов писал: «Белинский видел во мне богато одаренную натуру, которой недостает развития и образования. И вот около этого-то держались его беседы со мною, в имевшие для меня значение поучения» (15₂, 94). Подтверждается это влияние и объективными свидетельствами. «В 1843 году, — вспоминал П. В. Анненков, — я видел, как принялся за него Белинский, раскрывая сущность его собственной природы и ее силы, и как покорно слушал его поэт, говоривший: «“Белинский производит меня из литературного бродяги в дворяне”»²⁷.

Это влияние постоянно упоминалось в советском литературоведении. Тем не менее, несмотря на обилие высказываний и текстов, посвященных отношениям

²⁷ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 3. СПб., 1912. С. 552.

великого критика и будущего великого поэта, на наш взгляд, разговор о них не только далеко не исчерпан, но – рискнем сказать – даже и по-настоящему не начат. Виной тому упрощенное понимание как творчества Некрасова, так и философии Белинского. Одной из причин такого упрощения является отсутствие учета некрасоведами сложной интеллектуальной эволюции, проделанной Белинским и его соратниками, принятия во внимание мучивших его противоречий, в конечном счете, канонизация в качестве единственно значимого позднего учения Белинского, сведение его философской и общественно-политической позиции к системе взглядов, выраженной в последних написанных им статьях. Несмотря на то, что Некрасов познакомился с Белинским в 1843 году²⁸, то есть на уже практически финальной стадии его интеллектуальной эволюции, одновременно это был момент переходный, когда финальные (условно «революционные») взгляды критика еще не кристаллизовались, находились в борьбе с прежними концепциями. Именно поэтому, говоря о воздействии Белинского на поэта, необходимо учитывать эволюцию его взглядов.

Напомним, что духовное развитие Белинского непосредственно связано с кругом Станкевича, в который будущий тогда критик попал в середине 1833 года²⁹. Круг этот изменялся, включал в себя новых членов, иногда бравших на себя роль его духовного лидера (как это произошло с Бакуниным, примкнувшим к нему в 1835 году), расширялся, продолжал существование уже после смерти своего «создателя», слившись с остатками круга Герцена-Огарева, перерос в сообщество ученых, публицистов, писателей, группировавшихся преимущественно вокруг журнала «Отечественные записки», в котором Белинский выступал в качестве ведущего критика, и «союзных» ему изданий³⁰. При всей эволюции, иногда достаточно резкой и радикальной, при всех

²⁸ См. Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова. Т. 1. 1821-1855. СПб., 2006. С. 125.

²⁹ В понимании фигуры Станкевича, роли его в духовном развитии Белинского и других участников кружка мы опираемся, в первую очередь, на глубокие и пронизательные труды П.В. Анненкова, не потерявшие до сих пор своей большой ценности. См.: Анненков П.В. Николай Владимирович Станкевич и его переписка. М., 1857; Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838 -1848 // Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1989.

³⁰ Корнилов А.А. Молодые годы Бакунина. Из истории русского романтизма. М., 1915.

периодически возникавших внутри сообщества разногласиях частного (иногда и общего, хотя такие разногласия вели обычно к отпадению члена от сообщества, как, например, произошло в случае с М.Н. Катковым, слишком далеко отошедшим от идеалов своих товарищей, увлекшись «философией откровения» Шеллинга, или К.С. Аксакова, вставшего на позиции славянофильства) характера, интеллектуальная траектория развития общества долго подчинялась импульсу, приданному ей Станкевичем и его первыми единомышленниками.

Вопреки сложившимся довольно рано представлениям, сформированным, в частности, не знакомым лично со Станкевичем и не принимавшим участия в деятельности его кружка Герценом³¹, устремления юных членов сообщества вовсе не имели чисто теоретического или «идеального» направления³². Скорее наоборот, как видно из его писем, Станкевич в своих поисках руководился интересами в широком смысле практическими – размышляя прежде всего о том, в чем должно заключаться подлинно человеческое существование, чем определяться жизнь, достойная названия человеческой. Не исключался и общественный аспект из таких размышлений, вопрос о том, какой могла бы быть подлинная польза, каким должно быть место в обществе человека, стремящегося к благому существованию, имеющему высокий смысл, был для Станкевича чрезвычайно важным. В этом отношении кружок продолжал традиции круга Жуковского-Тургеневых при Московском университетском благородном пансионе, в свою очередь продолжавшим традиции масонства³³. В такой ситуации проблема нравственного самосовершенствования несомненно, оказывалась на первом плане, в центре коллективных интеллектуальных усилий. Идеальность, теоретичность, подчеркивавшаяся Герценом, была скорее данью новой интеллектуальной моде, заданной немецкой философией, требовавшей для ответа на любые практические

³¹ В «Былом и думах» Герцен утверждал: «Болезненный, тихий по характеру, поэт и мечтатель, Станкевич естественно должен был больше любить созерцание и отвлеченное мышление, чем вопросы жизненные и чисто практические...» (Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. Т. 9. М., 1956. С. 17).

³² Подробнее об этом см.: Манн Ю.В. Гнезда русской культуры. Кружок и семья. М., 2016.

³³ См. об этом: Зорин А.Л. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII - начала XIX вв. М., 2016.

вопросы глубоких оснований, непременно целостной непротиворечивой картины мира, частью которого был человек³⁴.

Это означало, что в значительной степени сами базовые ценности, сами, так сказать, характеристики, к которым должен был стремиться человек, ищущий совершенной жизни, в общих чертах существовали с самого начала, несколько по-разному называясь. Это идеалы любви и свободы, гуманизм, вера в изначальное равенство всех людей, основанное на высоком уважении к чувству человеческого достоинства, вере в изначальную доброту человеческой природы, усвоенную, конечно, от немецкого романтизма, поэзии Шиллера (отсюда, так сказать, внесловный состав кружка, включавшего в себя молодых людей самого разного происхождения), высокое место не только интеллектуального, но и эмоционального и творческого начала в человеке (отсюда изначальный огромный интерес к литературе, в которой все члены кружка всегда признавали чрезвычайно значимый элемент духовной жизни человека и общества). Динамическим, эволюционирующим началом были способы достижения этих идеалов, размышления о том, «где» их искать, какие средства в этом поиске являются наилучшими.

Отправной точкой для философских поисков для Белинского и Станкевича и других членов интеллектуального сообщества стала философия Шеллинга, точнее, тот ее этап, который ознаменовался «Системой трансцендентального идеализма» и «Философией искусства». Во многом, однако, это оказалось данью моде, шеллинговская философия не давала ответа на поставленные Станкевичем и юным Белинским вопросы, или точнее, давала ответы неудовлетворительные. Причина в чрезмерном значении, которое придавал Шеллинг вопросам искусства. Как хорошо известно, для этого философа искусство не просто значило много, но стояло на вершине всех возможных способов познания мира, соединяя в себе чувственное и рациональное начала. Искусство представляло собой, с точки

³⁴ Эта интеллектуально-философская традиция метко охарактеризована Ю.В. Манном как философия абсолюта. См. *Манн Ю.В. Базаров и другие // Манн Ю.В. Диалектика художественного образа. М., 1987.*

зрения Шеллинга, единственно возможный синтез интеллектуального и чувственного, природного и сотворенного: «Искусство есть для философа наивысшее именно потому, что оно открывает его взору святая святых, где как бы пламенеет в вечном и изначальном единении то, что в природе и в истории разделено, что в жизни и в деятельности, так же как в мышлении, вечно должно избегать друг друга»³⁵. Первоначальная область художника – область чувственного, в которой он прозревает и заставляет быть видным область идеального, оставляя и тот и другой как слитые и одновременно бесконечно далекие друг от друга: «Каждая прекрасная картина возникает как будто благодаря тому, что устраняется невидимая преграда, разделяющая действительный мир и мир идеальный; она служит нам просветом, в котором отчетливо встают образы и области мира фантазии, лишь тускло просвечивающие сквозь покров действительного мира»³⁶.

Этот идеальный мир появляется в произведении искусства не как следствие сознательного намерения, но как бы сам собой, бессознательно, благодаря таинственному свойству гения, который именно благодаря тому, что отказывается от претензий на мысль, достигает бесконечной глубины мудрости: «В произведении искусства отражается тождество сознательной и бессознательной деятельностей. Однако их противоположность бесконечна, и снимается она без какого-либо участия свободы. Основная особенность произведения искусства, следовательно, — бессознательная бесконечность (синтез природы и свободы). Художник как бы инстинктивно привносит в свое произведение помимо того, что выражено им с явным намерением, некую бесконечность, полностью раскрыть которую не способен ни один конечный рассудок»³⁷.

Однако при этом шеллингианская эстетика существенно более радикально, чем кантовская, разрывала с миром нравственного универсума и отчасти

³⁵ Шеллинг Ф.В.И. Сочинения в: 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 484.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 478.

отказывалась от какой-либо роли в познании окружающего мира в том же смысле и значении, в каком его познает наука. Это делало ее выразительницей того, что можно назвать романтическим мироощущением, в котором на первый план выходило интуитивное отношение к миру, иррационализм. Искусство, к которому применимы концепции Шеллинга, фактически отказывалось от какой-либо учительной роли и в конечном счете могло привести к аморализму, к поэтизации зла.

Все это делало шеллингианство неудовлетворительным для русской общественной и эстетической мысли, искавшей какого-то другого значения искусства вообще (и литературы в частности). Это хорошо видно в ранних статьях Белинского, особенно в «Литературных мечтаниях», где к шеллингианским построениям о художественности, важнейшую роль в которой играет отсутствие тенденции, авторского намерения и субъективного отношения к изображаемым явлениям (ср.: «беспристрастие, эта холодность поэта, который как будто говорит вам: *так было, а впрочем, мне какое дело* (курсив автора – В.С.) - есть высочайший зенит художественного совершенства, есть истинное творчество, есть удел немногих избранных...»³⁸), вполне искусственно присоединен некоторый конспект христианской этики, основанной на любви к ближнему («Бог создал человека и дал ему ум и чувство, да постигает сию идею своим умом и знанием, да приобщается к ее жизни в живом и горячем сочувствии, да разделяет ее жизнь в чувстве бесконечной, зиждущей любви!...»³⁹).

Таким образом, шеллингианская философия оказалась своего рода соблазном, который действовал недолго и был вскоре отброшен Станкевичем, Белинским и новыми и старыми челнами сообщества под влиянием Бакунина, познакомившего своих соратников с философией Фихте. Эта философия, несомненно, была значительно более актуальна для молодых искателей истины и смысла существования благодаря своей сильной этической и жизнестроительной ориентации. Фихте был одним из тех крупных философов (другими были

³⁸ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. и писем в 13 т. Т. 1. М., 1953. С. 33.

³⁹ Там же. С. 30.

Шеллинг и Шопенгауэр), который стремился построить на основе кантовских категорий позитивную философию, вывести из его гносеологии мораль, право, понятия общества и государства. Это не было просто. Исходя из несколько упрощенной трактовки кантовского трансцендентализма, Фихте утверждает, что, поскольку только субъект является источником любых «сведений» о мире, любых возможных утверждений, он же может быть и субъектом, и объектом нравственного поиска и совершенствования. Мораль есть порождение сознания субъекта и существует в нем как идеал субъекта, идеал недостижимый, но к которому субъект должен стремиться, чтобы осуществить себя как целостное существование («Если полное согласие с самим собой называют совершенством в высшем значении слова, как его во всяком случае можно назвать, то совершенство - высшая недостижимая цель человека; усовершенствование до бесконечности есть его назначение. Он существует, чтобы постоянно становиться нравственно лучше и улучшать все вокруг себя в чувственном смысле <...>, а если он рассматривается в-обществе, то и в нравственном, и самому становиться благодаря этому всё более блаженным...»⁴⁰).

Поскольку подлинное бытие неподвижно и цельно, рассеяние и множественность есть зло, принадлежащее внешней видимости, необходимо собрать себя в целостного субъекта. Общество, присутствие других субъектов, также выводится неизбежно из моего же сознания – я опознаю других как мыслящих существ по тому, что их деятельность не определяется полностью законами природы. Я признаю их поэтому себе подобными и выстраиваю отношения к ним на основе моих понятий в том случае, если я могу им придать универсальность, абсолютность. Общество – это совместное развитие индивидуумов, как бы использующих друг друга для достижения максимально возможного совершенства («Каждый в обществе стремится сделать другого более совершенным, по крайней мере по своим понятиям, поднять его до своего идеала, который он имеет о человеке. Следовательно, последняя высшая цель общества –

⁴⁰ Фихте И. Г. Сочинения. СПб., 2008. С. 157.

полное согласие и единодушие со всеми возможными его членами»⁴¹). Философия Фихте таким образом требовала самосовершенствования через своеобразное отречение от внешнего, через углубление в собственный внутренний мир, в котором нужно обрести высший идеал – всечеловеческую идеальную любовь.

Мы знаем, что эти идеи слабо отразились в собственно критическом творчестве Белинского (на время увлечения идеями Фихте пришелся период безвременья в жизни критика – период между прекращением «Телескопа» и «Молвы» и началом сотрудничества в «Московском наблюдателе»⁴²), однако они сильно повлияли на его письма и жизненное поведение. Отношения с Бакуниным, с его сестрами, сложные и противоречивые неплохо проанализированы Л.Я. Гинзбург⁴³. Здесь мы только отметим, что попытки замкнуться во внутреннем мире, предавшись самосовершенствованию, были пережиты Белинским и его единомышленниками чрезвычайно остро и болезненно и были отброшены после мучительных экспериментов над собой и друг другом⁴⁴. Только после того, как фихтеанское самосовершенствование оказалось абсолютно психологически непригодным, в поле зрения Белинского и его единомышленников входит философия Гегеля (в этот раз, видимо, первым провозвестником ее в кружке был М.Н. Катков, но наиболее горячим адептом и пропагандистом стал тот же Бакунин)⁴⁵.

Момент перехода от кантианской философии и пытавшейся модернизировать ее и построить на ее основе какое-то позитивное мышление фихтеанской (а также шеллингианства трансцендентального периода), к гегелевской мысли связан с новым соотношением понятий бытия, сущности и явления. Кантовская гносеология, как хорошо известно, отделила явление (то как мир доступен нам) и существование (то, каким он является сам по себе). Этот

⁴¹ Там же. С. 165.

⁴² См.: Оксман Ю. Г. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958.

⁴³ Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л., 1977.

⁴⁴ См.: Нечаева В.С. В. Г. Белинский: Жизнь и творчество: 1836-1841. Л., 1961.

⁴⁵ См. Корнилов А.А. Цит. соч. С.

разрыв образовался благодаря кантовскому учению о пределах человеческого мышления, которые находятся в нем самом, в априорных синтетических категориях, позволяющих не познавать мир, а как бы его конструировать на основе самого сознания, явление (и с ним весь окружающий нас «внешний мир») таким образом – это своего рода овнешненная мысль и только в этом смысле она познаваема, как познание мыслью, сознанием самого себя, своих возможностей и пределов. Сущность же вещей остается непроницаемой («вещь в себе»)⁴⁶. В этих пределах и развивается моральная и любая другая философия мыслителей, принимавших кантовские предпосылки. В гегелевской философии этого разрыва (между сущностью и явлением) не существует. Явление – это то, в чем сущность раскрывается познанию, не скрывает себя от сознания, но «дает» себя ему для постижения. Существование вещи, таким образом, неотделимо от познания ее и в некотором смысле есть просто другая сторона «схватывания» ее сознанием. Нечто является сущим только если имеет умопонимаемое содержание.

Таким образом появляется принципиально другое понятие – «действительность», не как явление, не как просто эмпирически «внешнее» по отношению к сознанию, но как осмысленная сущность, сущность, увиденная через ее понятие и поставленная в отношении к своему понятию. Понятие – еще один ключевой термин гегелевской диалектики. Это не просто «определение» или «значение», но своего рода истина сущего, как она явлена в нашем сознании: «Понятие есть то, что свободно как суцая для себя субстанциальная мощь, и есть тотальность, в которой каждый из моментов есть целое, представляя собой понятие, и положен как нераздельное с ним единство; таким образом, понятие в своем тождестве с собой есть *в-себе-и-для-себя-определенное* (курсив автора – В.С.)»⁴⁷. Таким образом и сущее может быть ниже своего понятия и сознание, обращающееся к этому сущему, может быть ниже уровня понятия о нем. Так бутон цветка еще не соответствует понятию цветка, но несет в себе его как потенциал, а мышление, которое видя только бутон, но способно увидеть в нем

⁴⁶ Кант И. Критика чистого разума. Минск, 1998.

⁴⁷ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук в 3 т. Т. 1. М., 1974. С. 345.

неразвитый цветок, это еще, так сказать, не созревшее мышление. Только мышление, развившееся до понятия цветка, может судить о том, в какой стадии своего развития находится видимый ему цветок. Оно же только и может в результате судить о самом себе.

Гегелевская философия таким образом существенно меняла положение вещей и ставило перед своими адептами новые задачи. Если следование философии Фихте было психологически трудным для Белинского, поскольку его учение требовало абстрагирования от «действительности», задевающей на каждом шагу, болезненно действующей в прошлом и настоящем, и углубления в задачу достижения своей собственной идеи, то гегелевское учение считало такое абстрагирование признаком дефектной, не развитой, не осуществившей свои задачи личности. Однако и бунт против действительности, недовольство ею Гегель также считал признаком незрелого «юношеского» сознания. Таким сознанием достигнута высокая степень собственного развития, порождающая самоуверенность, заставляющую считать себя, свои мечты и идеалы мерой всех вещей. Такое «прекраснодушное» сознание легко может и даже необходимо вступает в конфликт с действительностью просто потому, что не понимает этой действительности. Подлинно развитая личность, достигшая своего высшего предназначения, должна развиться до понимания действительности такой, какой она есть в ее «понятии», а не в том, возможно, недореализовавшемся виде, в котором она может предстать поверхностному или погруженному в себя взгляду. Через это гегелевское понятие личность включает в себя действительность как свою часть и себя в действительность как ее часть. Это необязательно вело прямо к квиетизму, абсолютному и равнодушному приятию любой действительности. Именно здесь гегелевская философия особенно содержательна и ведет к большому количеству разных выводов. Но необходимость принятия всякой действительности, в том числе действительности существующего государства, современного строения общества, каким бы «несправедливым» или даже бесчеловечным оно не казалось, хотя бы как первый шаг в духовном развитии собственной личности, как опыт смирения перед нею и погружения в нее,

представлялось неизбежным. Напомним здесь едва ли не самые знаменитые гегелевские формулировки из его «Энциклопедии философских наук»: «...Подчинение себялюбия раба воле господина составляет начало истинной свободы человека. Трепет единичной воли — чувство ничтожности себялюбия, привычка к повиновению — необходимый момент в развитии каждого человека. Не испытав на самом себе этого принуждения, ломающего своеволие личности, никто не может стать свободным, разумным и способным повелевать. Чтобы стать свободным, чтобы приобрести способность к самоуправлению, все народы должны были пройти предварительно через строгую дисциплину и подчинение воли господина»⁴⁸.

Гегелевское учение своей диалектикой обогатило и традиционный самоанализ и анализ личности, изменив язык описания душевной жизни. Теперь человек, его личность как бы разделились на «субстанцию» - то, чем человек является по сути и что должно раскрыться как его «понятие» в результате процесса развития, - и череда временных состояний «определений», через которые он в своем диалектическом развитии должен пройти. Если субстанция вневременна и неизменна, то определения зависят от того «момента», ситуации, стадии развития на которой человек находится в данное время. И хотя определения суть неизбежные проявления субстанции, тем не менее подлинная мысль и в обращении к действительности и к субъекту, личности должна уметь отличать субстанцию от определения и тем более отличать ее же от случайных, не присущих ей по сути сторон и явлений.

Письма Белинского к Бакунину, относящиеся к этому периоду увлечения гегелевской «диалектикой», насыщены подобными психологическими, построениями, квазианалитическими рассуждениями, своего рода «измерениями» тех расстояний, тех «определений», через которые автору и его адресату предстоит пройти на пути к совершенству. Так критик писал Бакунину «Меня оскорбляло твое безграничное самолюбие, а теперь оно для меня — залог твоего

⁴⁸ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук в 3 т. Т. 3. М., 1977. С. 246.

высокого назначения, доказательство глубокости твоей субстанции. Ты никогда не был доволен своим настоящим определением, ты всегда его ненавидел и в себе и в других <...> Желай мне бесконечного совершенствования, помогай мне идти к моей высокой цели, но не наказывай меня гордым презрением за отступления от нее, уважай мою индивидуальность, мою субъективность, будь снисходителен к самой моей непросветленности»⁴⁹.

Роль так воспринятых гегелевских построений в интеллектуальной эволюции Белинского хорошо известны. Они отражаются в его письмах («Я гляжу на действительность, столь презираемую прежде мною, и трепещу таинственным восторгом, сознавая ее разумность, видя, что из нее ничего нельзя выкинуть, и в ней ничего нельзя похулить и отвергнуть»⁵⁰) и в статьях, которыми критик дебютировал в журнале "Отечественные записки" еще до переезда в Петербург и где он проповедовал «примирение с действительностью», при этом «действительность» включала в себя не просто «реальность» человеческой жизни с ее рутиной, с ее фатумом, но прямо реальность общественно-политическую, «действительность» Николаевского деспотического государства. Приведем только одну характерную цитату из едва ли не самой одиозной статьи Белинского периода «примирения с действительностью»: «Действительность, как явившийся, отелесившийся разум, всегда предшествует сознанию, потому что прежде нежели сознавать, надо иметь предмет для сознания. Вот почему естествознание, или учение о природе, явилось гораздо после самой природы, грамматика после языка, история после пережитой народами жизни. Всё что ни есть — есть или являющийся разум (разум в явлении), или сознающий разум (разум в сознании). Дело сознающего разума — сознавать действительность, а не творить ее, и потому разум пишет грамматику, а не сочиняет языка, пишет трактат об организации общества, а не создает общества. Как невозможно сочинить языка,

⁴⁹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 11. М., 1956. С. 242.

⁵⁰ Там же. С. 282.

так невозможно и устроить гражданского общества, которое устроится само собою, без сознания и ведома людей, из которых оно слагается»⁵¹.

Как быстро показало время, такая концепция, при которой самосовершенствование заключалось в постепенном признании законности любого существующего режима как стадии в развитии Абсолюта и осознании своего и своих собратьев униженного, бесправного, безнадежного в нем положения как имеющего значение в свете поступательного осуществления гармонии, которая будет достигнута при воцарении Абсолюта, также оказалась для Белинского, долго упорствовавшего в ней, психологически неприемлемой.

Отказ Белинского от гегелевского «квиетизма» был связан именно с психологической невозможностью принять не свои, а чужие страдания как закономерные, отразившейся в знаменитом письме Боткину от 1 марта 1841 года, из которого мы позволим себе привести обширную цитату: «Мне говорят: развивай все сокровища своего духа для свободного самонаслаждения духом, плачь, дабы утешиться, скорби, дабы возрадоваться, стремись к совершенству, лезь на верхнюю ступень лестницы развития, — а споткнешься — падай — черт с тобою — таковский и был сукин сын... Благодарю покорно, Егор Федорыч (так Белинский в шутку называет Георга Фридриха Гегеля. — В. С.), — кланяюсь вашему философскому колпаку; но со всем подобающим вашему философскому филистерству уважением честь имею донести вам, что если бы мне и удалось влезть на верхнюю ступень лестницы развития, — я и там попросил бы вас отдать мне отчет во всех жертвах условий жизни и истории, во всех жертвах случайностей, суеверия, инквизиции, Филиппа II и пр. и пр.: иначе я с верхней ступени бросаюсь вниз головою. Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен насчет каждого из моих братии по крови, — костей от костей моих и плоти от плоти моя. Говорят, что дисгармония есть условие гармонии; может быть, это очень выгодно и усладительно для меломанов, но уж, конечно, не для тех, которым суждено выразить своею участью идею дисгармонии»⁵².

⁵¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1953. С. 327.

⁵² Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1953. С. 327.

Одновременно Белинский приходит к преклонению перед идеями Просвещения и Великой Французской революции, через чтение речей Робеспьера, многотомную историю Французской революции Тьера⁵³ и затем Луи Блана⁵⁴ и П.Ж. Прудона⁵⁵, которых Белинский осваивал и с помощью друзей, лучше него владевших иностранными языками, и с помощью собственного упорства, бескомпромиссной решимости остановиться в своих духовных поисках только тогда, когда убедится в том, что обнаружил наконец истину о человеке, и мире, и обществе. Именно с этого момента начинает формироваться та общественно-философская концепция Белинского, которую можно назвать итоговой для него.

В этой концепции приоритет отдается необходимости справедливо и гармонично устроенного общества, основанного на принципах свободы, равенства и братства, общества, представленного не как идея, высшая по отношению к человеку, идея, в которой он должен растворить свою индивидуальность, для которой должен быть готов пожертвовать своей жизнью, но общество как содружество индивидуальностей, механизм, позволяющий как можно большему количеству своих членов осуществить свое право на свободу, самовыражение и счастье. Путь к созданию такого общества мог быть разным, в том числе это мог быть путь революционного террора («Я понял и французскую революцию, и ее римскую помпу, над которой прежде смеялся. Понял и кровавую любовь Марата к свободе, его кровавую ненависть ко всему, что хотело отделяться от братства с человечеством хоть коляскою с гербом»⁵⁶, писал критик В.П. Боткину), при котором и количественные параметры имели значение – Белинский вполне был готов принять жертву тысяч людей ради спасения миллионов: «Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью. Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов»⁵⁷. При этом Белинский сохранил веру в прогресс фаталистически-гегелевского типа, он

⁵³ Тьер Л.А. История Французской революции в 3-х т. М., 2016.

⁵⁴ Blanc L. Histoire de Dix Ans, 1830-1840. Nabu Press. 2012.

⁵⁵ Прудон П.Ж. Что такое собственность? М., 1998.

⁵⁶ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 12. М., 1956. С. 51.

⁵⁷ Там же. С. 71.

считал (и, без сомнения, умер с этой верой), что создание такого общества есть неизбежный итог истории человечества: «Нет более случайности: дух божий ведет и движет дух человеческий к его цели! Исторический фатализм— богохульство; живая вера в прогресс и — ее следствие — сознание своего человеческого достоинства — вот плоды изучения истории, вот великое значение великой науки!...»⁵⁸

Идея самосовершенствования, вообще индивидуального пути человека перед лицом такой «социальности», конечно, отходит на второй план, однако полностью не исчезает. Путь самосовершенствования теперь, во-первых, должен был вести человека мыслящего и способного к подлинно человеческим чувствам к ненависти и презрению к современному обществу (особенно бесчеловечной николаевской России с ее крепостным правом, бездушной бюрократией, презрением к личности и ее потребностям) и готовности бороться с этим государством для обеспечения возможности создания идеального мироустройства. Другое направление самосовершенствования – избавление, достижение духовной, нравственной свободы уже сейчас, что называется, любой ценой, даже ценой огромных нравственных потрясений или гибели: «Разум и сознание — вот в чем достоинство и блаженство человека; для меня видеть человека в позорном счастье непосредственности — всё равно, что дьяволу видеть молящуюся невинность: без рефлексии, без раскаяния разрушаю я, где и как только могу, непосредственность — и мне мало нужды, если этот человек должен погибнуть в чуждой ему сфере рефлексии, пусть погибнет...»⁵⁹

Современное общество, согласно этим концепциям, опирается на институты, с одной стороны, традиционные, освященные обычаем, с другой – в большинстве своем устаревшие, не соответствующие подлинным человеческим потребностям, не способствующие подлинно человеческой жизни. К таковым, например, относится религия и с ней институт церкви, давно превратившийся из инструмента духовного утешения и нравственного развития в институт угнетения,

⁵⁸ Там же. Т. 8. М., 1956. С. 284.

⁵⁹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 12. М., 1956. С. 72.

содержания в рабстве огромной части населения. «Христа-то зачем Вы примешали тут? – вопрошал Белинский Гоголя в своем знаменитом письме, которое можно назвать духовным и политическим завещанием великого критика. - Что Вы нашли общего между ним и какою-нибудь, а тем более православною церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения. И оно только до тех пор и было спасением людей, пока не организовалось в церковь и не приняло за основание принципа ортодоксии. Церковь же явилась иерархией, стало быть, поборницею неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницею братства между людьми,— чем и продолжает быть до сих пор»⁶⁰.

Таков же институт брака, освещаемый церковью, который не только не способствует удовлетворению важнейшей человеческой потребности в любви, в чувстве, с точки зрения Белинского, в котором человек может обрести смысл существования, осуществить свое высшее предназначение, но становится враждебен этому чувству, превращает его из средства обретения высшей свободы в оковы рабства: «Я понимаю теперь, как К. Занд мог посвятить деятельность целой жизни на войну с браком. Вообще все общественные основания нашего времени требуют строжайшего пересмотра и коренной перестройки, что и будет рано или поздно. Пора освободиться личности человеческой, и без того несчастной, от гнусных оков неразумной действительности — мнения черни и предания варварских веков»⁶¹.

Прочность этих обветшавших институтов основывается, согласно позднему Белинскому, не только на силе, так сказать, штыков, стоящей на страже их репрессивной машины деспотического государства, враждебного всему человеческому, но и на силе того, что называется предрассудками, устаревшими представлениями и верованиями. Причина такой прочности предрассудков в невежестве, в отсутствии просвещения. Задача самосовершенствования в таком случае заключается для мыслящего, благородного человека в избавлении самого

⁶⁰ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 10. М., 1956. С. 214.

⁶¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 13.

себя от этих предрассудков, которые неизбежно присутствуют в нем самом под влиянием общества, в котором он вырос, обретении здорового, свободного и гуманного взгляда на вещи. Оружием этого самосовершенствования неизбежно становится собственное чтение и понимание философских книг, занятия науками и одновременно воспитание своего характера таким образом, чтобы следовать истинным жизненным принципам и в тех случаях, когда большинство окружающих людей, опасное своим количеством и опорой на силу репрессий или общего мнения, считает эти принципы греховными или преступными.

Цель самосовершенствования – превращение в свободного, гуманного, мыслящего человека, независимого от общественного мнения, руководствующегося не только в своих мыслях, но и в своих поступках теми принципами, к которым он приходит благодаря знаниям. Одновременно на таком достигнутом совершенстве или стремящегося к нему человека лежит обязанность способствовать освобождению (не только физическому, но и духовному освобождению) своих братьев. Такая миссия в том числе возлагается на искусство в целом и литературу в частности: «И публика <...> видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от мрака самодержавия, православия и народности и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не прощает ему зловредной книги»⁶².

Никакое чистое и спокойное созерцание, незаинтересованное описание действительности больше не приветствуется. Задачей литературы становится способствовать освобождению человека, указывая ему на зло и несправедливость, творящиеся в окружающем его мире, воспитывая нетерпимость к этому злу и показывая идеалы, к которым порядочный мыслящий человек должен стремиться. Именно дидактическая литература становится высшим видом творчества. Художник страстный, обличитель пороков и проповедник добра становится образцом подлинного писателя, художник «объективный», равно приемлющий порок и добродетель, объявляется литератором, стоящим на низкой ступени искусства.

⁶² Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 216-217.

Именно такими были в основных своих чертах взгляды Белинского на мир и общество в целом и на интересующую нас проблему самосовершенствования человека в частности в то время, когда он познакомился и принял под свое духовное покровительство молодого Некрасова. Видимо, именно такую систему ценностей начинающий тогда литератор в целом усвоил от своего наставника, включая и высокое представление о «дидактическом» искусстве, обличительной и проповеднической поэзии как венце художественного творчества, во всяком случае в современную эпоху царящей на земле несправедливости. Как пишет М.С. Макеев, Белинский «заполнил идейный вакуум», существовавший в сознании талантливого фельетониста и автора водевилей, начинающего литературного предпринимателя⁶³.

Одновременно Некрасов принял и представление о пути, интеллектуальном и психологическом, который привел Белинского к его конечной системе убеждений. Дело в том, что молодой человек не мог в силу специфики своей образованности, отсутствия интереса к философским абстракциям, области чистой мысли, воспринять эти идеи как результат, венчающий логический ход философской мысли. Для него, несомненно, философия Белинского представлялась результатом, так сказать, человеческого выбора, сделанного под влиянием не столько логической убедительности идейной конструкции, служившей ей основой, сколько сердечного влечения, не логикой, а, так сказать, жалостью, результатом выбора на основе сердечной эмоциональной веры. Психология же эта была психологией Белинского, которая, возможно, отличалась от душевного склада Некрасова. Иначе говоря, Некрасов принял убеждения, которые не мог ни по-настоящему оценить в сравнении с альтернативными, ни полностью согласовать со своим отношением к миру, эмоциональным строем.

Доказательством такого «несовпадения» служит известная история, приведшая к серьезному охлаждению отношений между Белинским и Некрасовым. Этот сюжет не раз привлекал внимание исследователей творчества и

⁶³ Макеев М.С. Николай Некрасов. М., 2017.

биографии и Некрасова⁶⁴, и Белинского⁶⁵, видимо, последнее на сегодняшний день слово о нем сказано в работах М.С. Макеева⁶⁶. Тем не менее, здесь следует сказать несколько слов об этом конфликте, выделив в нем черты, позволяющие аргументировать важные для данного исследования положения.

Конфликт между Белинским и Некрасовым произошел в начале 1847 года, после того как ставший редактором и издателем «Современника» молодой поэт отказал своему «наставнику» в формальном праве на участие в дивидендах от нового предприятия. Не вдаваясь в подробности, хорошо изложенные в работах, на которые мы сослались, отметим, что, с точки зрения Некрасова, он руководствовался законными соображениями. Белинский в это время был уже очень тяжело больным человеком, фактически умирающим. После его скорой смерти (что было ясно всем, в том числе Некрасову) его права на долю в дивидендах (если бы такое право было официально закреплено) могла получить вдова Белинского, не имеющая никаких литературных или публицистических талантов и поэтому способная быть только дополнительной финансовой обузой для издания. Некрасов взять такие обязательства, обременить ими свое предприятие, не согласился.

Это вызвало негодование «друзей Белинского» и самого критика, обвинившего своего теперь уже бывшего ученика и друга в корысти и фактически едва ли не в мошенничестве: «Я и теперь высоко ценю Н<екрасова> за его богатую натуру и даровитость; но тем не менее он в моих глазах — человек, у которого будет капитал, который будет богат, а я знаю, как это делается. Вот уж начал с меня <...> Н<екрасов> отстранил меня от равного с ним значения в отношении к «Современнику» даже не потому, что $\frac{1}{4}$ меньше $\frac{1}{3}$, а потому, что $\frac{1}{3}$ меньше $\frac{1}{2}$. Расчет простой и верный»⁶⁷.

⁶⁴ См., например, Жданов В.В. Некрасов. М., 1971 или Евгеньев - Максимов В. Е. Некрасов и его современники. М., 1930.

⁶⁵ См., например: Нечаева В.С. В. Г. Белинский: Жизнь и творчество: 1842-1848. Л., 1967.

⁶⁶ Макеев М.С. О «странности» и «искренности» стихотворения Н.А. Некрасова «Я за то глубоко презираю себя...». Экономический подтекст лирического произведения // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2007. №6.

⁶⁷ Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 12. С. 335.

Сам Некрасов, однако, до конца жизни не признавал за собой никакой вины, не видел в произошедшем чего-то такого, чего ему надо было стыдиться: «Наконец, если б даже Вы остановились на мысли, что я отказал ему по корыстным соображениям, то пусть и так: я вовсе не находился тогда в таком положении, чтоб интересы свои приносить в жертву чьим бы то ни было чужим <...> В конце концов я думаю так: суть вовсе не в копейках, которые я себе отделял, даже не в средствах, при помощи которых делал известное дело, — а в самом деле. Вот если будет доказано, что дело это исполнял я совсем дурно, что привлекал к нему нечестных и неспособных, обходя способных и честных, — тогда я кругом виноват, но тогда только» (15₁, 97-98).

Некрасов, как видно из данной цитаты, взятой из позднего неотправленного письма Салтыкову-Щедрину (написанного в связи с публикацией в 1869 году Тургеневым писем к нему критика, публикацией, предавшей историю с «Современником» и Белинским широкой гласности), описывает свое поведение как основанное на определенных моральных принципах (согласно которым, важнее всего интересы полезного для людей дела). Только это ценности другие, отличающиеся от ценностей Белинского и даже способные вступить с ними (и с интересами самого Белинского) в противоречие, в драматический конфликт. Ценности великого критика, как минимум на тот момент, для Некрасова – внешние, в критической ситуации, в момент судьбоносного выбора начинающий поэт и издатель был готов предпочесть им какие-то другие моральные принципы, свои собственные, существенно более ему близкие.

Позднее и Белинский смягчил свою критику, признав, что Некрасов действовал законно и по-своему справедливо: «Мне теперь кажется, что он действовал честно и добросовестно, основываясь на объективном праве, а до понятия о другом, высшем он еще не дорос, а приобрести его не мог по причине

того, что возрос в грязной положительности и никогда не был ни идеалистом, ни романтиком на наш манер»⁶⁸.

Белинский, таким образом, увидел проблему Некрасова, его неспособность подняться («не дорос») до представлений о высших ценностях, среди которых, очевидно, забота о благе ближнего, готовность к жертве личным благополучием ради спасения своего страдающего «брата», не столько в том, что Некрасов интеллектуально не готов к восприятию сложных прудоновских идей или построений Луи Блана, сколько в том, что он не прошел те этапы идейной эволюции, которые прошел сам критик и более близкие ему единомышленники. Иначе говоря, Белинский утверждает, что важен не только финал, но и сам путь. Или точнее – финал без пути не имеет той же ценности, какую он имеет, когда достигается долгими поисками, разочарованиями и обретениями. В этом смысле и заблуждения полезны и значимы для человека по-настоящему развитого и глубокого: «Вижу из его (Некрасова – *В.С.*) примера, как этот идеализм и романтизм может быть благодетелен для иных натур, предоставленных самим себе. Гадки они — этот идеализм и романтизм, но что за дело человеку, что ему помогло отвратительное на вкус и вонючее лекарство, даже и тогда, если, избавив его от смертельной болезни, привило к его организму другие, но уже не смертельные болезни: главное тут не то, что оно гадко, а то, что оно помогло»⁶⁹.

Белинский, однако, несколько недооценил Некрасова. Уже сами отношения молодого поэта и литературного предпринимателя с великим критиком, его готовность «поступить к нему в обучение», говорит о его готовности к развитию, в конечном счете к самосовершенствованию, при этом к развитию на основе истинных ценностей, правильного способа жизни, подлинной самореализации. Некрасов, о чем забывал Белинский, вынося ему свой «диагноз», был еще в самом начале своего поэтического пути, к моменту смерти великого критика напечатал не более десятка «подлинных» стихотворений. От него самого молодой поэт получил установку на то, что подлинная литература, подлинная

⁶⁸ Там же. С. 342-343.

⁶⁹ Там же. С. 343.

поэзия должна быть связана с моральными ценностями, должна стоять на страже истины, по мере сил указывая на те пути самосовершенствования, которые ведут к ее обретению. Некрасов отправлялся в свой путь с серьезным запасом, способствовавшим его превращению в большого поэта.

Поэзия Некрасова, его творческая эволюция, заменяет ему путь, которым Белинский прошел как мыслитель и критик. Ему пришлось проверять, проживая в поэтическом творчестве те понятия, которые через которые Белинский прошел и которые им были отброшены как непригодные, не имеющие философского и человеческого смысла, существовавшие для критика и круга его единомышленников, прошедших с ним этот путь, в диахронии, для Некрасова должны были оставаться в синхронии, как альтернативные концепции, слабость которых по сравнению с окончательно принятой не очевидна, а психологическая непригодность не прошла проверку практической жизнью, поэтому должны были оставаться как своего рода соблазны, направляющие на другие пути самоосуществления и самосовершенствования. Принятие определенных убеждений, мировоззренческих принципов не могло в случае Некрасова отменить интереса к другим системам, как смежным, пройденным Белинским, так и совершенно чужим, но также обещающим при определенных условиях возможность самосовершенствования, обретения смысла жизни. Это делает поэзию Некрасова как бы своеобразным аналогом внутренней борьбы, через которую прошел Белинский, но разворачивающейся в синхронии.

Мы таким образом выделим четыре возможных пути самосовершенствования – 1) шеллингианский путь свободного художника, возвышающегося в своем искусстве над мирозданием в качестве его своего рода царя и повелителя 2) фихтеанский – путь, ведущий к погружению в свой внутренний мир и стремление абстрагироваться от мира внешнего 3) гегелевский путь приспособления и примирения с действительностью через осознание ее «разумности» и 4) освобождения от действительности с помощью мысли и просвещения, воспитания своего характера и разума и в конечном счете формирования человека, способствующего освобождению своих братьев. Как

показал наш анализ, к этим четырем, заимствованным у Белинского и его друзей типам, Некрасов самостоятельно прибавил еще один, оригинальный, о котором будет говориться уже в следующей главе.

Глава 2. Проблема самосовершенствования в этической системе образованного человека в поэзии Некрасова

§1. Социальное зло как предмет изображения в поэзии Некрасова

Как говорилось ранее, собственно набор ценностей в целом в сознании и поэзии Некрасова небольшой и устойчивый: к высшим ценностям принадлежат свобода, равенство, братство, особым образом понята любовь (как свободное чувство, включающее в себя все ценности сразу), просвещение (в значении не набора знаний, но в усвоении «развитого» взгляда на мир), честность перед истиной. То есть это те же ценности, которые доминировали в этическом мышлении Белинского и его круга. Поэт не боялся обозначить их прямо, как, например, в стихотворении «Песня Еремушке»:

Человеческим стремлениям
 В ней проснуться не мешай.
 С ними ты рожден природою —
 Возлелей их, сохрани!
 Братством, Равенством, Свободою
 Называются они.
 Возлюби их! на служение
 Им отдайся до конца! (2, 66)

Их же провозглашают герои важнейшего в «теоретическом» отношении текста Некрасова, «лирической комедии» «Медвежья охота», к анализу которой мы будем обращаться не раз в данной главе:

Ты нас гуманно мыслить научил,
 Едва ль не первый вспомнил об народе,
 Едва ль не первый ты заговорил
 О равенстве, о братстве, о свободе... (3, 19)

Можно дополнить этот каталог ценностей цитатой из программного стихотворения «Поэт и гражданин»:

Не верь, чтоб вовсе пали люди;
 Не умер бог в душе людей,
 И вопль из верующей груди
 Всегда доступен будет ей!
 Будь гражданин! служа искусству,
 Для блага ближнего живи,
 Свой гений подчиняя чувству
 Всеобнимающей Любви... (2, 9)

Несомненно, что самосовершенствование предполагает осознание недостатка, стремление к совершенству предполагает осознание начального несовершенства. Идеи позднего Белинского предполагают, что это несовершенство, становящееся толчком для собственной эволюции, может быть несовершенством внешним. Осознание творящегося в мире зла и несправедливости может подтолкнуть мыслящего и благородного человека к изменению своей позиции по отношению к миру и к самому себе.

Изображение социального зла в поэзии Некрасова присутствует с самого начала его «подлинного» творческого пути. Таким злом является крепостное право, изображенное в стихотворении «Родина»:

Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,
 Текла среди пиров, бессмысленного чванства,
 Разврата грязного и мелкого тиранства;
 Где рой подавленных и трепетных рабов
 Завидовал житью последних барских псов...(1, 45)

Злом представляется любое неравенство, бедность, которые ощущала призванной изображать некрасовская Муза (в одноименном стихотворении):

Чрез бездны темные Насилия и Зла,
 Труда и Голода она меня вела -
 Почувствовать свои страданья научила
 И свету возвестить о них благословила... (1, 100)

Зло проявляется в положении падшей женщины, униженной, лишенной защиты и уважения. Общество, которое доводит женщину до торговли собой, осмеливается ее презирать и ненавидеть («Еду ли ночью по улице темной...»):

Где ты теперь? С нищетой горемычной
 Злая тебя сокрушила борьба?
 Или пошла ты дорогой обычной
 И роковая свершится судьба?
 Кто ж защитит тебя? Все без изъятья
 Именем страшным тебя назовут... (1, 63)

Излюбленной темой некрасовских стихов становится рекрутчина, заставляющая провожать молодых парней на армейскую службу, как в могилу, как, например, в стихотворении «Балет»:

Словно до сердца поезд печальный
 Через белый покров погребальный
 Режет землю — и стонет она,
 Стонет белое снежное море...
 Тяжело ты — крестьянское горе! (2, 240)

Зло может принимать обличье финансовых махинаций, подрывающих благосостояние страны и ее народа, как в поэме «Современники»:

Горе! Горе! хищник смелый
 Ворвался в толпу!
 Где же Руси неумелой
 Выдержать борьбу?
 Ох! горька твоя судьбина,
 Русская земля!
 У мужицкого алтыпа,
 У дворянского рубля
 Плутократ, как караульный,
 Станет на часах,
 И пойдет грабеж огульный,

И — случится крррах! (4, 244)

Безусловно, некрасовская поэзия позволяет составить целый каталог, огромный список «общественных зол», мимо которых не может пройти поэт. Здесь мы сосредоточимся на тех реакциях, которые это созерцание (или обнаружение) социального зла и несправедливости вызывают у героев некрасовской поэзии.

§2. «Шеллинговская» объективность как морально недостойный способ отношения к царящему в мире злу в поэзии Некрасова

На удивление далеко не всегда это обнаружение приводит к какой-то активной позиции по отношению к самому злу. Можно видеть целый ряд стихотворений, относящихся к самым разным периодам некрасовского творчества, написанных, так сказать, в «шеллинговском» духе спокойного созерцания, равнодушного к добру и злу. Это такие стихотворения, как «В дороге», «На улице» (особенно «Вор»), «В деревне», «Путешественник», «Утро».

В таких стихотворениях сама перечислительная интонация подчеркивает эту готовность созерцать равно спокойно добро и зло, фатализм и одновременно, так сказать, шеллинговскую широту, готовность показать зло как неотъемлемую часть жизни, бороться с которой не в наших силах. Это особенно явно выражено в стихотворении «В деревне», где случившееся с крестьянкой несчастье объясняется причинами природными столько же, сколько социальными, причинами, заведомо лишающими человека даже потенциально способного сочувствовать, какой-либо возможности вмешаться в ход событий, оказать действенную помощь жертвам существующего незыблемого социального порядка:

Плачет старуха. А мне что за дело?

Что и жалеть, коли нечем помочь?..

Слабо мое изнуренное тело,

Время ко сну. Недолга моя ночь... (1, 129)

Такое спокойное созерцание занимает неожиданно много места в поэзии Некрасова. Лирический герой его часто предстает в образе ставшего в последнее время благодаря обновленному интересу к работам Вальтера Беньямина «фланера»⁷⁰ - любопытствующего праздного человека, прогуливающегося по улицам и ищущего забавные, мрачные, выразительные, курьезные случаи для своих очерков или стихов. Такая позиция преобладает, например, в цикле «О

⁷⁰ См. Беньямин В. Бодлер. М., 2023.

погоде», в котором в первой же главке автор, показав мрачно-комическую сценку с выпавшим из гроба покойником, бедным чиновником, констатирует:

Я доволен собой,
 Я недаром на улицу вышел:
 Я хандру разогнал — и смешной
 Каламбур на кладбище услышал,
 Подготовленный жизнью самой... (2, 178)

Наблюдая сценку, в которой богатый хозяин лавки поймал бедняка-вора, автор демонстрирует единственную спокойную реакцию в стихотворении «Вор»:

Я крикнул кучеру: «Пошел своей дорогой!» —
 И богу поспешил молебствие принести
 За то, что у меня наследственное есть... (1, 76)

В целом стихотворный цикл «На улице» содержит практически набор именно таких спокойных «созерцаний»: вид солдата, несущего под мышкой гроб с умершим в младенчестве сыном, извозчика, в тщетной попытке найти клиентов чистящего до блеска свои бляхи (и он иронически при этом назван «Ванька-дуралей»), падшая женщина, подновляющая, приукрашивающая свою увядшую внешность с той же целью, что извозчик, даже семья, провожающая сына в рекрутство и бьющая безжалостно с досады и горя лошадку. Все это картины, «сценки», увиденные глазами «фланера», проходящего или проезжающего мимо на извозчике и отправляющегося дальше «по своим делам».

Изображая гротескную и одновременно аллегорическую картину бродящих по городу волков, пожирающих людей, лирический герой стихотворения «Путешественник» потешается над недоумением иностранца, не привыкшего к таким обыденным для «местного» картинам:

Думает немец: «Уж я не оглох ли?..
 К школе привешен тяжелый замок,
 Нивы посохли, коровы подохли,
 Как эти люди заплатят оброк?»

«Что наблюдать? что записывать в книжку?» —

В грусти барон сам с собой говорит...

Дай ты им гривну да хлеба коврижку,

И наблюдай, немчура, аппетит... (3, 138-139)

Наконец, автор вообще может не делать никакого псевдовывода, никакого не ставить «пуанта», на протяжении всего текста придерживаясь равнодушно-перечислительных интонаций, как в стихотворении «Утро»:

Начинается всюду работа;

Возвестили пожар с каланчи;

На позорную площадь кого-то

Провезли — там уж ждут палачи.

<...>

Дворник вора колотит — попался!

Гонят стадо гусей на убой;

Где-то в верхнем этаже раздался

Выстрел — кто-то покончил с собой... (3, 117-118).

В стихотворении «В дороге» авторское «шеллинговское» спокойное принятие проявляется через еще один характерный для Некрасова прием: предоставление речи самому персонажу, страдающему и неспособному понять причину и смысл своих страданий. В речи ямщика сохранены ее народные особенности, производящие в результате впечатление своеобразного «этнографического исследования», в котором разнообразные подробности народного мирозерцания не менее важны, чем трагическая история:

В барском доме была учена

Вместе с барышней разным наукам,

Понимаешь-ста, шить и вязать,

На варгане играть и читать —

Всем дворянским манерам и штукам.

Одевалась не то, что у нас

На селе сарафаницы наши,

А, примерно представить, в атлас;

Ела вдоволь и меду и каши (1, 11).

В приведенных строках заметно, как автор делает предметом изображения то, как народ понимает и видит (на само деле не понимает и не видит) барскую жизнь, духовный мир образованной барышни (крестьянской девушки, воспитанной как барышня). Такой прием используется и в случае изображения не только жертв царящей в мире несправедливости, но и их палачей, хозяев этого мира, ответственных за его несправедливое устройство. Характерным примером является стихотворение «Нравственный человек» с его автоапологией героя-рассказчика, ни на минуту не сомневающегося в своей высокой морали:

Приятель в срок мне долга не представил.

Я, намекнув по-дружески ему,

Закону рассудить нас предоставил;

Закон приговорил его в тюрьму.

В ней умер он, не заплатив алтына,

Но я не злюсь, хоть злиться есть причина!

Я долг ему простил того ж числа,

Почтив его слезами и печалью...

Живя согласно с строгою моралью,

Я никому не сделал в жизни зла (1, 58).

Автор никак не комментирует позицию персонажа, предпочитая оставаться «художником», только представляющим своим читателям рассмотренное с разных сторон явление жизни.

Несомненно, что такое равнодушное или спокойное принятие творящегося зла должно компенсироваться, преобразоваться в высокое эстетическое достижение. Спокойствие, оставляющее жертву ее мучителям, не желающее и не способное помочь гибнущему добру, вступить в борьбу с торжествующим злом, есть цена за особую, гениальную художественность. И мы видим, что Некрасов такого результата добивается – перечисленные нами тексты принадлежат к признанным шедеврам его поэзии. Роль поэта, по классификации, характерной

для Белинского «шеллингианского периода», шекспировского, гомеровского или гетевского типа не только кажется Некрасову соблазнительной и в определенные моменты приемлемой, но она ему хорошо удается. Видно, однако, что одновременно эта роль вызывает у поэта глубокие моральные сомнения.

Это проявляется в том прежде всего, что в большинстве упомянутых стихотворений эта позиция спокойного никак не вмешивающегося наблюдателя как будто бы требует объяснения или даже оправдания. Она объясняется либо слабостью героя (как в стихотворении «В деревне»: «Слабо мое изнуренное тело, /Время ко сну...»), либо невозможностью вмешаться по юридическим причинам (как в стихотворении «Вор», где речь идет о «преступнике», пойманном с поличным, чья вина представляется всем очевидной, и будущая расправа над вором никак не может быть предотвращена без нарушения закона). Часто созерцание, невмешательство обуславливается большой социальной и культурной отдаленностью героя от творящегося зла. Так, например, происходит в стихотворении «В дороге», где ямщик и его жена находятся как будто в совершенно другом мире, недоступном для какого-либо действия со стороны проезжего барина, и он может только прервать рассказчика, воскликнув в самый ужасный, трагический момент его печальной истории о погибающей жертве барского произвола:

А, слышь, бить — так почти не бивал,

Разве только под пьяную руку...

«Ну, довольно, ямщик! Разогнал

Ты мою неотвязную скуку!..» (1, 13)

Так же дело обстоит в стихотворении «Отрывки из путевых записок графа Гаранского», герой которого, человек доброжелательный и благородный, просто не может понять совершенно чуждую ему жизнь и ее скрытые механизмы. С одной стороны, он уважительно и даже с любовью и состраданием относится к русской жизни и природе:

Ну, словом, всё одно: тот с дворней выезжал

Разбойничать, тот затравил мальчишку,—

Таких рассказов здесь так много я слышал,
 Что скучно, наконец, записывать их в книжку.
 Ужель помещики в России таковы? (1, 125)

При этом он остается созерцателем, наблюдающим сельскую жизнь как декорацию разыгрываемого специального для него спектакля:

Я также наблюдал — в окно моей кареты —
 И быт крестьянина: он нищеты далек!
 По собственным моим владеньям проезжая,
 Созвал я мужиков: составили кружок
 И гаркнули: «Ура!..» С балкона наблюдая,
 Спросил: довольны ли?.. Кричат: «Довольны всем!» (Там же)

Выдуманный Некрасовым граф Гаранский не злодей, он скорее сторонник просвещения, те ценности, которые он выражает, и которым сочувствует, – это в значительной степени ценности самого Некрасова. Его проблема в самой бесконечной дистанции между ним и русским мужиком, во многом в том, что его взгляд – это взгляд образованного, гуманного, не чуждого просвещения и эстетизма чужака (в таких чужаков, заметим кстати, по Некрасову, давно превратилась значительная часть русского образованного дворянства, как мы видим, например, в рассуждениях Тихоныча в поэме «Коробейники»).

Подобное отчуждение, готовность «махнуть рукой» на существующее зло, показывает также герой поэмы «Саша» Агарин:

«Оба тогда мы болтали пустое!
 Умные люди решили другое,
 Род человеческий низок и зол».
 Да и пошел! и пошел! и пошел!.. (4, 22)

Здесь такое принятие зла объясняется (хотя, конечно, и не оправдывается целиком) слабостью героя, комплексом «лишнего человека», тип которого строится на противоречии между высокими идеалами, присущими герою, и вялостью его «природы», неспособностью к деятельности, решительному

поступку, воспитанным русским «барством», поэтому являющимися другим следствием зла (крепостничества, крепостного права), царящего в России.

Можно заметить, что другим примером такого дуализма крепостничества – порождающего одновременно и жестокость, бессердечие, разнузданность крепостников, и равнодушное принятие такого положения вещей теми, кто по своему развитию возвышается над этим злом и мог бы встать в ряды борцов с ним, – является стихотворение «Родина»:

Где было суждено мне божий свет увидеть,
 Где научился я терпеть и ненавидеть,
 Но, ненависть в душе постыдно притая,
 Где иногда бывал помещиком и я...(1, 45)

В конечном счете, причиной равнодушия может стать и само изобилие зла, существующего, буднично творящегося в этом мире, вызывающего равнодушие и спокойствие как своего рода защитную реакцию, лекарство для больной и страдающей души (как в стихотворении «Утро»:

Ты грустна, ты страдаешь душою:
 Верю — здесь не страдать мудрено.
 С окружающей нас ницетою
 Здесь природа сама заодно.
 Бесконечно унылы и жалки
 Эти пастбища, нивы, луга... (3, 117))

Если результаты такого равнодушия, преобразованного в «эпическое спокойствие» или высокую иронию, в эстетическом плане несомненно положительны, то в плане душевной жизни, в аспекте обретения подлинного смысла существования их нельзя не признать абсолютно негативными. Безусловно, такое отношение к царящему в мире злу делает нравственное самосовершенствование невозможным и ненужным. В результате человек, как показывает Некрасов, утрачивая возможность возвыситься над окружающей действительностью, приобретает ее пороки. Как показал М.С. Макеев, объектом сатиры в таких произведениях, как «О погоде» или «Балет», становится сам

лирический герой, не отделяющий и не способный отделить себя от описываемой им же ужасной действительности⁷¹. Это может стать началом омертвления души, превращения некогда благородного человека в заурядного обывателя (портреты таких персонажей имеются, например в «Медвежьей охоте» или в поэме «Недавнее время»). Крайне нижней точкой такой траектории может стать поэтизация зла, готовность смаковать пороки, физическое уродство, наслаждаться видом чужого несчастья.

Если стихотворения, подобные «О погоде», говорят о присущей эстетическому равнодушию опасности слияние с миром зла, утраты необходимой, спасительной дистанции между человеком и «страшным миром», дистанции, только благодаря которой и может начаться путь нравственного самосовершенствования, то стихотворения, подобные «В дороге» или «Графу Гаранскому», показывают опасность, прямо противоположную, но не менее страшную. Это опасность полного отчуждения от общества, отчуждения и равнодушия от своих страдающих братьев, которое, в координатах философии позднего учения Белинского, означает отчуждение от себя самого, отказ от именно тех чувств и страстей, которые в наибольшей степени обеспечивают самореализацию человека, способны привести его к совершенной жизни: чувство любви, сострадания, жалости, ощущение братства со всем человечеством.

Эта проблематика не раз встречается в произведениях Некрасова. Особенно остро она поставлена в хрестоматийном стихотворении «Железная дорога». Генерал, одевающий сына Ваню в «кучерский армячок», не чужд славянофильского типа «любви к русскому народу», подобной тому, что присуща графу Гаранскому. Однако он предпочел бы не видеть «темные» стороны народной жизни, предпочел бы, чтобы мужик являлся в виде опрятном, не нарушающем эстетического чувства (подобному тому, как публика в сатире «Балет» охотно аплодирует и проявляет патриотические чувства, приветствуя французского танцовщика, изображающего русского мужика). С его точки зрения, мир нужно видеть сквозь призму благородных форм, не нарушающих

⁷¹ *Макеев М.С.* «О погоде» // От Крылова до Чехова. М., 1995.

психического равновесия, не выводящих из эпического спокойствия, искать в нем в первую очередь «светлую сторону». Вообще ему предпочтительнее созерцать Аполлона Бельведерского, чем «больного белоруса». Автор стихотворения, его лирический герой, призывает Ваню заглянуть за декорации, увидеть то зло, которое причиняют этим мужикам, увидеть в уродливых грязных простолюдинах своих братьев:

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки Волги, с Оки,
С разных концов государства великого —
Это всё братья твои — мужики! (2, 170)

Если стоящий в начале жизненного пути Ваня, к которому обращается автор, демонстративно игнорируя возражения генерала, очевидно, уже не способного изменяться в связи с возрастом и раз и навсегда принятыми в качестве истин предрассудками, сможет ощутить мужиков как своих братьев, почувствовать к ним любовь и уважение, сочувствие к их бедствиям и страданиям, у него есть шанс превратить свой жизненный путь в путь нравственного самосовершенствования.

§3. Невозможность «фихтеанского» эскапизма, самосовершенствования, ухода от социальной несправедливости во внутренний мир в поэзии Некрасова

Присутствует у Некрасова и также на самых разных этапах его творческого пути то, что мы назвали «фихтеанским» способом отношения к дефектности окружающего мира. Это путь эскапистский, путь отвержения действительности как в определенном смысле иллюзорной, не имеющей значения для развития и самосовершенствования человека. Этот мотив преобладал в стихотворениях сборника «Мечты и звуки», где он едва ли не является центральным – отвержение мира, мирских сует и страстей, стремление к чистой девственной жизни духа постоянно декларируется на страницах дебютной книги начинающего поэта (например, в стихотворении «Изгнанник»):

Отважно я взглянул, сын праха,
 В широкий, радужный эфир;
 Сроднилось сердце с ним без страха,
 И разлюбил я дольний мир.
 И долго там в стране лазурной,
 Его чуждаясь, пробыл я
 И счастье пил из полной урны
 Полуземного бытия.
 Мое сродство с подлунным миром,
 Казалось, рушилось навек;
 Я, горним дышащий эфиром,
 Был больше дух, чем человек... (1, 196)

Очевидно, такая позиция была быстро отвергнута Некрасовым вместе с поэтическими принципами, доминировавшими в романтических стихах его юности. Тем не менее желание уйти от мира реального, уединиться в мире собственного духа высказывалось в произведениях Некрасова и позднее.

Такое саморазвитие, самосовершенствование, не связанное с наблюдением над общественными явлениями, у Некрасова, как у человека, не склонного к тому, чтобы извлекать стимулы для нравственного роста из премудрых философских книг, связано соответственно с жизнью на «лоне природы», которой человек живет в детстве, разумеется, детстве усадебном, а не городском. Такое саморазвитие под естественным влиянием природных картин, окружающих пейзажей изображается, конечно, в первую очередь, в стихотворении «На Волге»:

Я рос, как многие, в глуши,
 У берегов большой реки,
 Где лишь кричали кулики,
 Шумели глухо камыши,
 Рядами стаи белых птиц,
 Как изваяния гробниц,
 Сидели важно на песке;
 Виднелись горы вдалеке... (2, 87)

Само отсутствие какой-либо «общественной» жизни формирует гармоничную личность, наделенную как будто врожденным чувством братства со всем человечеством, лишённую предрассудков, наделенную силой характера, способной сделать из героя достойного человека:

Я страха смолоду не знал,
 Считал я братьями людей,
 И даже скоро перестал
 Бояться леших и чертей. (2, 87)

Герой живет в таком мире, в котором внутреннее и внешнее как бы не разделено, в этом смысле – в мире собственного идеала или, наоборот, мире, в котором человек естественно приближается к неосознанному идеалу:

Когда еще всё в мире спит
 И алый блеск едва скользит
 По темно-голубым волнам,
 Я убежал к родной реке.

Иду на помощь к рыбакам,
 Катаюсь с ними в челноке,
 Брожу с ружьем по островам.
 То, как играющий зверок,
 С высокой кручи на песок
 Скачусь, то берегом реки
 Бегу, бросая камешки,
 И песню громкую пою
 Про удаль раннюю мою... (2, 89-90)

Важно, что этот мир осознается самим героем как весь мир, совершенно достаточный для абсолютно полноценной человеческой жизни, дающей все, что нужно для достижения человеческого совершенства.

Другое произведение, в котором присутствует сходная группа идей, конечно – поэма «Саша», в которой также детство героини в уединенной дворянской усадьбе на лоне природы показано как герметичный и полноценный процесс естественного самосовершенствования:

Но сохраняется дольше в глуши
 Первоначальная ясность души,
 Рдеет румянец и ярче и краше...
 Мило и молодо дитяtko ваше,—
 Бегаеt живо, горит, как алмаз,
 Черный и влажный смеющийся глаз,
 Щеки румяны, и полны, и смуглы,
 Брови так тонки, а плечи так круглы! (4, 12)

Эта естественная замкнутая самодостаточная жизнь также естественно формирует в Саше базовые ценности – любовь и уважение к своим братьям-крестьянам:

Землю взрывая, бредут поселяне —
 Саша в них видит довольных судьбой
 Мирных хранителей жизни простой:

Знает она, что недаром с любовью
Землю польют они потом и кровью...

Весело видеть семью поселян...

В землю бросающих горсти семян... (4, 14)

Эта любовь порождена сочувствием ко всему живому, добротой и состраданием, проявившиеся в частности в ее отношении к вырубленному лесу:

Саше случалось знать и печали:

Плакала Саша, как лес вырубали,

Ей и теперь его жалко до слез.

Сколько тут было кудрявых берез! (4, 16)

Чувство порождает мысль, в том числе об устройстве мироздания, месте в нем человека и своем месте и предназначении:

Только у мельницы злится река:

Нет ей простора... неволя горька!

Бедная! как она вырваться хочет!

Брызжется пеной, бурлит и клокочет,

Но не прорвать ей плотины своей.

«Не суждена, видно, волюшка ей,—

Думает Саша,— безумно роптанье...»

Жизни кругом разлитой ликованье

Саше порукой, что милостив бог... (14, 13)

Возможность самосовершенствования в изоляции от внешнего мира, от общественно-политической жизни кажется доступной в поэзии Некрасова и для «взрослого» человека. Прежде всего мы видим это в лирической поэме «Тишина», где поэт стремится уединиться среди тихой природы, излечиться от ран, причиненных его душе и трагическими кровавыми событиями Восточной войны и треволениями судьбы российского журналиста и оппозиционного поэта. В русской глубинке, глуши, абстрагировавшись от действительности, он надеется целиком придаться творчеству и самосовершенствованию:

И вот уж едем целый день

Между зелеными стенами
 Густых берез. Люблю их тень
 И путь, усыпанный листьями!
 Здесь бег коня неслышно-тих,
 Легко в их сырости приятной,
 И веет на душу от них
 Какой-то глушью благодатной.
 Скорей туда — в родную глушь!
 Там можно жить, не обижая
 Ни божьих, ни ревижских душ
 И труд любимый довершая.
 Там стыдно будет унывать
 И предаваться грусти праздной... (4, 55)

Этот мотив возвращения в сельскую, провинциальную, крестьянскую Россию как возвращение к самому себе, к своей душе, своему творчеству проявляется и в других произведениях, таких как «Возвращение», «Деревенские новости», отчасти даже в знаменитой «Элегии» и «Унынии»:

Но я реки любимой не покинул.
 Вблизи ее песчаных берегов
 Я и теперь на лето укрываюсь
 И, отдохнув, в столицу возвращаюсь
 С запасом сил и ворохом стихов.
 <...>
 Какой восторг! За перелетной птицей
 Гонюсь с ружьем, а вольный ветер нив
 Сметает сор, навеянный столицей,
 С души моей. Я духом бодр и жив,
 Я телом здоров. Я думаю... мечтаю... (3, 132)

Апофеозом такого эскапизма является образ Лесничего из ранней редакции «Медвежьей охоты», образ человека, проживающего в лесу,

чувствующего свое подлинное родство только с природой и потому сформировавшегося как благородная гуманная личность:

Дремучий лес! сроднился я с тобой
 Издавна мы друг другу не чужие,
 Век буду помнить сумерки лесные
 И зимней ночи мертвенный покой!
 Когда б я мог живого человека
 Так изучить как изучил я лес
 И странно было б леса мне не знать
 Как зверь провел я в нем две трети жизни... (3, 273)

Очевидно, что такой «фихтевский» эскапизм вполне может быть для поэта органичной реакцией на столкновение с травмирующей действительностью, насыщенной жестокостью и страданием. Эстетические результаты и в этом случае впечатляют. Поэмы «Саша», «Тишина», «На Волге» были одними из самых любимых произведений Некрасова для его современников, принадлежавших к самым разным общественно-идеологическим группам.

Тем не менее, окончательно такой путь взаимодействия с действительностью и такой герметичный путь к самосовершенствованию Некрасов не принимает. Прежде всего потому, что в рамках его художественного мышления такая герметичность оказывается невозможной. В стихотворении «На Волге» детский природный мир разрушается при первом же столкновении с несправедливой, наполненной страданием действительностью:

В каких-то розовых мечтах
 Я позабылся. Сон и зной
 Уже царили надо мной.
 Но вдруг я стоны услышал,
 И взор мой на берег упал.
 Почти пригнувшись головой
 К ногам, обвитым бечевой,
 Обутом в лапти, вдоль реки

Ползли гурьбою бурлаки,
 И был невыносимо дик
 И страшно ясен в тишине
 Их мерный похоронный крик —
 И сердце дрогнуло во мне (2, 89).

Важно в данном случае, что это происшествие не является случайным, таким, которого можно было бы избежать. Дело ведь в том, что бурлаки, тащащие на себе тяжелые судна, расшивы и барки, - такая же часть Волги, как корабли, птицы, берега. Волга – место, где социальное и природное встречаются, сталкиваются. Природное переходит в социальное, и сама природа как бы неизбежно выталкивает человека из своей герметичности в жизнь общества. Примерно то же самое происходит и с Лесничим. В его случае своеобразным «посредником» между социальным и природным становится охота, в которой герой принимает участие «по должности». Охота – обычай, с одной стороны, соединяющий человека с природой, с другой – разъединяющий людей между собой, резко обозначающий сословные различия, отличающий стрелков от загонщиков, бар от слуг, дворян от крестьян. Обращение господ с крестьянами неизбежно выталкивает Лесничего из его природного уединения и раскрывает ему глаза на существующие в мире зло и несправедливость:

[Я знаю лес, но [я людей] не знаю
 Не знаю жизни; потому, конечно,
 [Не нравятся мне эти господа]
 Другой причины нет и быть не может.
 Да, да! я совершенно одичал
 А всё же странно, что они так грубо
 С народом обращаются; так явно
 Презренье свое, высокомерье
 Показывают бедным мужикам!] (3, 274)

Какой бы ни была дальнейшая судьба Лесничего (она только намечена в сохранившихся фрагментах), несомненно, что сохранить природное одиночество и самоуглубленность ему не удастся.

Героиня поэмы «Саша» оказывается выведена из природного состояния постепенного самосовершенствования другим способом. Здесь решающую роль играет встреча с человеком умственных занятий, рефлектирующим интеллигентом. В некотором смысле отношения с озлобленным увенчивают развитие девушки, открывая ей мир идей и идеалов, давая ей веру в прогресс человечества, в будущее торжество всеобщего счастья. Однако Агарин одновременно открывает Саше и, так сказать, слабую сторону человеческого мышления – неспособность справиться с самим собой, согласовать свои собственные выводы и предпосылки, в конечном счете, победить и обуздать самим же созданного демона анализа, рефлексии. Подарив способность сознательной веры, он же открыл Саше и склонность к горькому разочарованию в собственных силах. И этот процесс показан Некрасовым как тоже естественный и неизбежный, и, в конечном счете, плодотворный, поскольку вызван к жизни естественным и необходимым чувством – любовью:

Знайте и верьте, друзья: благодатна
 Всякая буря душе молодой —
 Зреет и крепнет душа под грозой.
 Чем неутешнее дитячко ваше,
 Тем встрепенется светлее и краше:
 В добрую почву упало зерно —
 Пышным плодом отродится оно! (4, 25)

Таким образом, самосовершенствование «фихтеанского типа», внутреннее развитие собственной души оказывается возможным только, так сказать, частично, до поры до времени, до того момента, когда либо рефлексия, либо сама жестокая социальная реальность выведет человека из герметичного «младенческого» состояния. Иллюзия здесь не окружающий мир, а способность человека жить и развиваться так, как будто общества и самой действительности не существует, как

будто можно не жить его интересами, не испытывать его влияния. Более того, без перехода к жизни, к действительности не может осуществиться процесс самосовершенствования полностью, как братство и любовь не могут существовать и не имеют попросту смысла в качестве «чистой идеи», без реальных «братьев-мужиков», без реальной возлюбленной, реального друга. Свобода на природе иллюзорна и во многом ложна в том числе просто потому, что не добыта в борьбе с ограничениями, а значит, не осознается как таковая.

§4. «Гегелевское» принятие действительности как путь к нравственной деградации в поэзии Некрасова

Идеи, выраженные в предыдущем абзаце, имеют очевидно «диалектический» гегелевский характер, подводящий нас к третьему виду взаимодействия человека с миром – к «гегелевскому» философскому принятию действительности, как необходимой и разумной хотя бы в качестве этапа движения к всеобщей гармонии. Такой тип тоже присутствует в некрасовской поэзии, хотя и не занимает в ней места, которое можно было бы охарактеризовать как центральное. Прежде всего, для Некрасова такой тип ассоциировался с тем, что называлось либеральной бюрократией, группой чиновников, пришедших на государственную службу с целью изнутри, используя возможности существующей государственной власти, реформировать общественные институты, способствовать серьезному улучшению жизни людей в государстве. К таковым принадлежал, например, клан Милютиных: на смерть одного из братьев, Николая, одного из творцов крестьянской реформы, Некрасов написал весьма прочувствованное стихотворение «Кузнец»:

Чуть колыхнулось болото стоячее,
Ты ни минуты не спал.
Лишь не остыло б железо горячее,
Ты без оглядки ковал (3, 93)

Такой тип существенным образом отличается от естественного конформиста, изображенного, например, в «Колыбельной песне (Подражание Лермонтову)», - человека, вписанного в среду, с рождения до смерти не видящего никакой альтернативы существованию в виде винтика в бюрократической машине и с самого начала своей службы не различающего добро и зло, точнее, имеющего в душе одну «благонамеренность», заменяющую мораль и легко становящуюся орудием самого чудовищного зла:

Подрастешь — и мир крещеный
Скоро сам поймешь,

Купишь фрак темно-зеленый
 И перо возьмешь.
 Скажешь: «Я благонамерен,
 За добро стою!.. (1, 17)

Тип либерального бюрократа предполагает наличие в душе человека высших идеалов и стремлений, сформировавшихся под влиянием коснувшегося их Просвещения. Либеральный брократ – это человек с моралью и совестью, которая подсказывает ему, что бывают моменты, когда надо сотрудничать с властью, если она дает возможность работать на благо страны и народа. Ему, может быть, и есть возможность умереть «спокойно», ощущая свою жизнь как прожитую не зря, в практическом стремлении к подлинно человеческим идеалам:

С кем ты делился душевною повестью,
 Тот тебя знает один.
 Спи безмятежно, с покойною совестью,
 Честный кузнец-гражданин! (3, 93)

Однако такому способу отношения к «действительности» сопутствует неизбежно специфический нравственный выбор, принятие идеи невозможности бороться с государством как таковым, облаченное в форму признания исторической закономерности и потому необходимости существующего государства хотя бы в качестве этапа на пути эволюции человечества к идеалам свободы, законности, равноправия и прочего. Единственный путь мыслящего человека, стремящегося к идеалу и готового работать над их осуществлением, лежит только через участие в существующей государственной власти.

Видимо, и в данном случае приходится признать наиболее значимым текстом «Медвежью охоту» (в том числе ее ранние редакции), где такого либерального бюрократа представляет Миша (чьим прототипом является М. Лонгинов). Именно этот образ показывает стоящий за таким типом процесс развития, он вспоминает благодарно своих «учителей» - Грановского и Белинского, развивших в душах ему подобных высокие идеалы, «стремление к добру»:

Друг Истины, Добра и Красоты!
 Пытлив ты был: искусство и природа,
 Наука, жизнь — ты всё познать желал,
 И в новом творчестве ты силы почерпал,
 И в гении угасшего народа...
 И всем делиться с нами ты хотел!
 Не диво, что тебя мы горячо любили:
 Терпимость и любовь тобой руководили.
 Ты настоящее оплакивать умел
 И брата узнавал в рабе иноплеменном,
 От нас веками отдаленном!
 Готовил родине ты честных сыновей,
 Провидя луч зари за непроглядной далью (3, 20).

Другим источником идеалов в его душе стала русская литература, высоко несшая знамя этих идеалов, отстаивавших эти ценности:

Еще добром должны мы помянуть
 Тогдашнюю литературу,
 У ней была задача: как-нибудь
 Намеком натолкнуть на честный путь
 К развитию способную натуру... (3, 18)

Несомненно, Миша обладает такой развитой натурой, позволяющей ему и дослужиться до генеральского чина и одновременно сохранить приверженность либеральным ценностям. Он, с одной стороны, видит существующее зло, понимает, что еще далеко до его полного истребления, но одновременно видит и прогресс, изменение жизни людей к лучшему, происходящее благодаря деятельности в конечном счете именно правительства, власти:

Да! были личности!.. Не пропадет народ,
 Обретший их во времена крутые!
 Мудреными путями бог ведет
 Тебя, многострадальная Россия! (3, 21)

Такие предпосылки, по Некрасову, действительно могут породить или сформировать почти идеального человека и государственного деятеля, настоящего работника на поприще свободы и Просвещения, каким предстает Николай Милютин. Это тип деятеля, импонирующий, видимо, самому Некрасову:

В чем погрешу и чего не доделаю,
 Думал, - исправят потом.
 Грубо ковал ты, но руку умелую
 Видно доньне во всем (3, 93).

Размышления о Милютине, на наш взгляд, как будто продолжают мысли о конфликте с Белинским, описанном нами в предыдущей главе. Идея морального компромисса ради «дела», о которой говорил Некрасов в письме Салтыкову-Щедрину, появляется и здесь. Результаты, «добрые плоды», которые принесет сделанное дело, если не полностью оправдывают, то смягчают те компромиссы, на которые приходится идти, те «недоделки», на которые приходится соглашаться ради того, чтобы сделать хотя бы что-нибудь, хотя бы немного увеличить количество общественного блага, уменьшить человеческие страдания.

Тем не менее, и другая сторона либеральной бюрократии и такого жизненного пути Некрасову ясна. Опасность, поджидающая человека, идущего в государственные органы под либеральными лозунгами, заключается в том, что эти лозунги могут превратиться просто в средство сделать карьеру, уловив временные настроения власти, кратковременную моду на либерализм. Тогда в ходе своего развития такой человек превращается не в «работника» на благо свободы и просвещения, но во «фразера», а его либеральные речи становятся не просто болтовней, но чем-то крайне вредным для успеха того дела, которое они проповедают. В конечном счете такой либерализм становится большим врагом либеральных идеалов, чем самый махровый консерватизм, а его носитель легко дрейфует в сторону обскурантизма и реакции. Портрет такого «салонного яacobинца» изображен в поэме «Недавнее время»:

...Якобинец салонный
 Говорил, говорил, говорил...

Сам себе с наслаждением внимая,
 Формируя парламентский слог,
 Всем недугам родимого края
 Подводил' он жестокий итог;
 Человеком идей прогрессивных
 Не без цели стараясь прослыть,
 <...>

Ты не пой, соловей современный!
 Эту песню мы знаем давно!
 Осуждаешь ты старое смело,
 Недоволен и новым слегка,
 Ты способен и доброе дело
 Между фразами сделать пока;
 Ты теперь еще шуткою дерзкой
 Иногда подлеца оборвешь,
 Но получишь ты ключ камергерской
 И уста им навеки запрешь! (3, 90)

Так либеральная фраза, не связанная с готовностью делать реальное дело, «ковать», пользуясь моментом, добиваться целей вопреки противодействию, может приводить не к совершенствованию человека, но к его духовно-нравственной деградации, превращению в заурядного бюрократа и карьериста, строящего «здание» не всеобщего прогресса, но собственного довольства и успеха.

Типу либерального бюрократа противопоставлен, представляя собой как бы другое развитие этого же отношения к действительности и злу, кишащему в ней, тип, который можно назвать тургеневским словосочетанием «лишнего человека». Это тоже человек, прошедший сложный и необходимый путь развития, совершенствования, благодаря образованию, книгам в сочетании с врожденной гуманностью и благородством природы способный и критически относиться к действительности, и одновременно верить в неизбежность прогресса, в

поступательное движение к нему человечества, при этом одновременно скептически относиться к возможностям способствовать прогрессу, занимая какое-то место в этом, уже сейчас существующем бюрократическом аппарате по чувству брезгливости, также вытекающему из его благородной души и укорененных в ней высоких человеческих ценностей. Он оказывается неспособен стать деятелем, его идеалы не приносят никакого результата, не приносят пользы человечеству. Портрет такого героя дает, например, стихотворение «Я за то глубоко презираю себя...»:

Я за то глубоко презираю себя,
 Что живу — день за днем бесполезно губя;
 Что я, силы своей не пытал ни на чем,
 Осудил сам себя беспощадным судом
 И, лениво твердя: я ничтожен, я слаб! —
 Добровольно всю жизнь пресмыкался как раб;
 <...>
 Что любить я хочу... что люблю я весь мир,
 А брожу дикарем — бесприютен и сир... (1, 42)

Вместо духовного развития, созидательного труда такой человек предается постоянной рефлексии, самопоеданию и сожалению о напрасно, бесцельно проживаемой жизни. С точки зрения гегелевской философии, он представляет собой так называемую «прекрасную душу», человека, не способного принять действительность своим разумом, отвергая ее в пользу абстрактных, не осуществимых на земле идеалов.

Такая «прекрасная душа» тоже имеет свой смысл и свою историческую ценность, что подчеркивается в уже не раз цитированной «Медвежьей охоте», в которой дается оценка вполне высокая этому типу:

Тип был один, оттенков было много.
 Судили их тогда довольно строго,
 Но я недавно начал понимать.
 Что мы добром должны их поминать... (3, 16-17)

Таким образом, условно «гегелевский» тип взаимоотношений с действительностью и злом, наличествующим в ней, воспринимается двойственно, в большой амплитуде последствий для нравственного мира человека, для его духовного роста, для обретения им смысла жизни. Стоит подчеркнуть, что такая двойственность совершенно была бы невозможна для позднего Белинского, она является следствием собственных некрасовских взглядов, его собственного жизненного опыта, в чем-то сближавшего его с людьми, подобными Дмитрию и Николаю Милютиным. Идеал человека, трудящегося вопреки всему, идущего на компромиссы, когда они неизбежны, но отбрасывающего эти компромиссы и вступающего на прежний твердый путь, когда становится возможным, использующего возможности, имеющиеся в наличной дурной действительности, для ее же улучшения, для нового шага на пути к осуществлению идеалов, однажды эту действительность способных преобразить, – ближе к кредо самого Некрасова, журналиста, издателя оппозиционных журналов, уцелевших в самые тяжелые для свободы печати времена. Человека, способного видеть смысл жизни и путь нравственного совершенствования в тяжелом труде на благо неизвестных будущих поколений, которые воспользуются плодами неизбежного прогресса.

§5. «Революционное» отношение к действительности как путь нравственного развития в поэзии Некрасова

Конечно, присутствует в некрасовской поэзии и четвертый тип отношения с действительностью, собственно, наиболее близкий позднему Белинскому, тип, который условно мы называем «революционным». Этот способ основан на полном неприятии действительности. При этом не в смысле побега от нее в мир собственной души (или природы), но в смысле требования полного и тотального ее изменения. Человек, основывающий свое отношение с действительностью на таком принципе, выдвигает к ней радикальные требования полного и немедленного преобразования ее в соответствии с теми же идеалами, которые находятся в душе представителей первых трех типов. Такое отношение к миру зла ведет и к самому радикальному, даже, можно сказать, экстремистскому способу и пути самовоспитания и самосовершенствования.

Прежде всего, человек может вступить на такой путь только благодаря радикальному неприятию, радикальному отказу согласиться с чем-то, не соответствующим его идеалам, как это делает герой поэмы «Дедушка»:

Остановилось венчанье!
 С барином шутка плоха —
 Отдал наглец приказанье
 В рекруты сдать жениха,
 В девичью — бедную Грушу!
 И не перечил никто!..
 Кто же имеющий душу
 Мог это вынести?.. кто?.. (4, 117)

Для этого отказа необходимо иметь душу, чувствительную к страданию, не переносящую вид несправедливости, угнетения. Для такого человека фактически единственным выходом становится практическая борьба со злом. В этом случае путь самовоспитания, нравственного самосовершенствования становится путем,

напоминающим путь святого подвижника. Такой путь воспет, например, в стихотворениях «Памяти Добролюбова» и «Пророк»:

Суров ты был, ты в молодые годы
 Умел рассудку страсти подчинять.
 Учил ты жить для славы, для свободы,
 <...>

Сознательно мирские наслажденья
 Ты отвергал, ты чистоту хранил,
 Ты жажде сердца не дал утоленья;
 Как женщину, ты родину любил,
 Свои труды, надежды, помышленья
 Ты отдал ей; ты честные сердца
 Ей покорял... (2, 173)

Так же характеризуется восхождение к подвигу Добролюбова (конечно, Добролюбова условного, обобщенного, представляющего тип борца-революционера в «чистом» абсолютизированном виде).

Путь аскезы в данном случае ведет не столько к умерщвлению плоти, сколько к высокой нравственной чистоте, отвергающей всякую пошлость. Стать героем-подвижником означает не быть «пошляком», не попасть в плен рутины повседневной жизни. Фактически только у революционера есть шанс избежать тех опасностей, которые ожидают «шеллингианца» и «гегельянца». Это хорошо видно из стихотворения «Песня Еремушке». Здесь показано, с одной стороны, какую огромную, так сказать, собственную пробуждающую силу имеют идеалы Просвещения и Великой французской революции, как они укоренены в самой природе, в том числе природе человека

С ними ты рожден природою —
 Возлелей их, сохрани!
 Братством, Равенством, Свободою
 Называются они (2, 66).

Одновременно необходим и человек, их носитель, для того, чтобы эти идеалы не зачахли, не ушли из мира, человек, готовый им «отдаться», готовый построить свой моральный облик, свою личность по требованиям этих идеалов:

Возлюби их! на служение
 Им отдайся до конца!
 Нет прекрасней назначения,
 Лучезарней нет венца.
 Будешь редкое явление,
 Чудо родины своей;
 Не холопское терпение
 Принесешь ты в жертву ей:
 Необузданную, дикую,
 К угнетателям вражду
 И доверенность великую
 К бескорыстному труду (Там же).

И только тогда, когда возникнет это сочетание: высоких истинных идеалов, ненависти к социальному злу, готовность строить свою судьбу на этой любви и ненависти, возможна «практика», реальная деятельность по радикальному преобразованию действительности:

С этой ненавистью правою,
 С этой верою святой
 Над неправдою лукавою
 Грянешь божьею грозой... (Там же)

Как видно уже из предыдущего рассуждения, такой образ связывается в некрасовской поэзии с декабристской темой. В цикле поэм «Русские женщины» выведены не только сами «революционеры» (Трубецкой, Волконский), не утратившие стойкости и мужества в заключении и на каторге, но и их жены, отправившиеся за ними в места страдания, чтобы разделить со своими мужьями их участь. Важно, что Некрасов показывает путь в Сибирь не как путь во мглу, но как путь к свету, как путь нравственного совершенствования. И Трубецкая, и

Волконская не просто демонстрируют мужество и любовь, но и духовный рост. Сначала не способные понять своих мужей, как об этом говорит Волконская

В одном я Сергея винила:

Зачем он жене ничего не сказал?

Подумав, и то я простила:

«Как мог он болтать? Я была молода... (4, 154)

в ходе своих, так сказать, физических «путешествий» они совершают путешествия духовные, которые приводят их к пониманию нравственной правоты своих мужей, к осознанию высокого значения их дела, которое нужно называть подвигом. Так говорит губернатору, уговаривающему ее вернуться домой, Трубецкая, достигнув решающего этапа своего путешествия:

Приняв обет в душе моей

Исполнить до конца

Мой долг,— я слез не принесу

В проклятую тюрьму —.

Я гордость, гордость в нем спасу,

Я силы дам ему!

Презренье к нашим палачам,

Сознание правоты

Опорой верной будет нам (4, 141).

Кульминацией этого движения духа, совершенствования становится поступок Волконской (вызвавший сомнения у читателей в правдивости некрасовского рассказа, на самом деле буквально опиравшегося на мемуары этой замечательной женщины, прочитанные поэту ее сыном, М.С. Волконским):

Я только теперь, в руднике роковом,

изо услышав ужасные звуки,

Увидев оковы на муже моем,

Вполне поняла его муки,

И силу его... и готовность страдать!

Невольно пред ним я склонила

Колени, — и прежде чем мужа обнять,
Оковы к губам приложила!.. (4, 184).

Эта знаменитая сцена связывает любовь к мужу и любовь к его (мужа) идеалам, восхищение его делом и судьбой и, как мы видим, Некрасов несомненно отдает приоритет второму. Героиня целует оковы, а уже потом обнимает мужа. В этом и есть высшее совершенство революционера или человека, преданного по-настоящему идеалам преобразования действительности, борьбы за счастье человечества.

Парадоксально и одновременно закономерно, что высшим результатом, в конечном счете целью жизни человека революционного подвига является смерть, как показывает стихотворение «Памяти Добролюбова»:

Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать (2, 173).

Так выглядит учение Добролюбова, но на тех же основаниях покоится судьба и призвание Пророка-Чернышевского (в стихотворении «Пророк»):

Но любит он возвышенной и шире,
В его душе нет помыслов мирских.
«Жить для себя возможно только в мнре,
Но умереть возможно для других!»
Так мыслит он — и смерть ему любезна.
Не скажет он, что жизнь его нужна,
Не скажет он, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна... (3, 154)

Эта будущая смерть на кресте за братьев своих символически вытекает из самой чистоты жизни, ее полной свободы от всего мирского и суетного. Одновременно это, конечно, символическая жертва — человек, проникнутый, вдохновляемый любовью к людям, превращает свою жизнь в служение им, а свое тело, свою плоть и кровь отдает для поддержания гармонии в мире:

Природа-мать! когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,

Заглохла б нива жизни... (2, 174)⁷².

Смерть становится как бы окончательным разрывом с миром зла и насилия и радикальным преодолением несовершенной действительности.

Это преодоление действительности может проявляться в менее трагических формах. В поэзии Некрасова мы встречаем идею преодоления предрассудков, освобождения от тяжелых оков традиций, мертвых обычаев, которыми общество опутывает человека, закрывая ему путь к свободе и самовыражению. Это проявляется особенно ярко, конечно, в тематике любви и брака. В первую очередь, необходимо освободиться от предрассудков, считающих падших женщин недостойными любви и участия, считающих их низшими существами. Принятие падшей женщины освобождает не только ее, но в первую очередь самого героя, способного обратиться к ней со словами утешения и примирения, как мы видим в шокировавшем и одновременно привлекавшем внимание современников стихотворении «Когда из мрака заблужденья...»:

Не верь толпе — пустой и лживой,
 Забудь сомнения свои,
 В душе болезненно-пугливой
 Гнетущей мысли не таи!
 Грустя напрасно и бесплодно,
 Не пригревай змеи в груди
 И в дом мой смело и свободно
 Хозяйкой полною войди! (1, 35)

Оба – и герой и героиня – освобождаются от векового предрассудка, запрещающего свободную любовь, и ценой освобождения обретают счастье и свободу. Мотив отречения от предрассудков играет важную роль в «панаевском цикле» (например, в стихотворении «Прости», написанном, возможно, во время серьезного кризиса в отношениях возлюбленных):

⁷² См. интерпретацию этого образа в статье: Макеев М.С. Поэзия Некрасова и идеология русской радикальной интеллигенции середины XIX века //К 60-летию профессора А. И. Журавлевой. М., 1998. С. 91-105.

Прости! Не помни дней паденья,
 Тоски, унынья, озлобленья,-
 Не помни бурь, не помни слез,
 Не помни ревности угроз!
 Но дни, когда любви светило
 Над нами ласково всходило
 И бодро мы свершали путь,
 Благослови и не забудь! (2, 30)

Для того, чтобы обрести счастье в любви и одновременно избавиться от сознания тяжести оков брака, необходимо осознать брак не как тяжелое обязательство, но как свободный союз единомышленников, идущих по общему пути осуществления высших ценностей. Примером противоположного подхода к браку, основанного на инстинкте собственника, становится судьба главного героя-рассказчика поэмы «Несчастные»:

Среди той ночи роковой
 Стою... ревниво закипаю,
 И вдруг шаги... и голос твой...
 И вопль — и с криком: «Не прощаю!..
 Всё помню с ясностью такой,
 Как будто каждый день свершаю
 Убийство... Тот же, тот же сон
 Уж двадцать лет: молящий стон,
 Безумный крик, сверканье стали... (4, 38)

Такое отношение к любви, в котором ревность и чувство собственника в отношении женщины играют важнейшую роль, приводит не к духовному росту и освобождению, но к падению и преступлению, за которыми следуют долгие мучения совести.

Нет сомнения в том, что такой революционный путь вызывает восхищение Некрасова, а образ революционера, жертвующего собой ради счастья ближних и в этом находящего высшую цель всякого самосовершенствования, находится на

вершине иерархии человеческих типов, присутствующей в его поэзии. И здесь, однако, надо заметить важную специфическую черту, присущую художественно-этическому мышлению самого Некрасова. Для Белинского принятие такой позиции, несомненно, было органичным, соответствовало его «революционному» страстному темпераменту, характеру «неистового Виссариона», часто говорившего и писавшего как будто прямо от лица Робеспьера или Марата. Для Некрасова такая жизненная позиция воспринимается как чужая, не соответствующая специфике его собственной личности, не склонной к самозабвению подвига и жертвенности.

§6. Человек чистого сердца и больной совести. Исповедь как путь очищения и самосовершенствования в поэзии Некрасова

Если Белинский не просто пропагандирует, но прямо воплощает такую революционную позицию, то Некрасов воспринимает ее со стороны. По этой причине возникает еще один, промежуточный тип отношения к миру, не предусмотренный философскими взглядами Белинского. Это позиция человека развитого и благородного, гуманного, способного видеть зло в мире и не желающего с этим злом мириться, принимающего до некоторой степени разные способы ухода от этого зла, разные способы борьбы и исправления этого зла. Среди этих способов – революционный, путь полного отвержения существующего мира, ведущего к самовоспитанию себя как будущей жертве в борьбе за преобразование действительности. Такой герой приемлет его. Одновременно этот человек не ощущает в себе сил для того, чтобы в своей собственной жизни выбрать такой путь и идти по нему до неизбежной скорой гибели. Такой герой предстает в самых разных стихотворениях Некрасова, наиболее ярко – в знаменитом «Рыцаре на час». Лирический герой ощущает свою слабость, неготовность к борьбе и жертве и в бессилии призывает покойную мать поддержать его стремление стать в ряды таких бойцов:

Выводи на дорогу тернистую!
 Разучился ходить я по ней,
 Погрузился я в тину нечистую
 Мелких помыслов, мелких страстей.
 От ликующих, праздно болтающих,
 Обагряющих руки в крови
 Уведи меня в стан погибающих
 За великое дело любви! (2, 138)

Этот человек, и в этом его главная проблема, соединяет в себе и критическое отношение к действительности, самые разные стадии и степени ее неприятия, и одновременно привязанность к этой действительности, видит себя

среди настоящих героев, среди людей, способных к совершенствованию, движению к совершенству, к практическим шагам в деле преобразования действительности, и одновременно слишком привязан к действительности с ее привлекательными и отталкивающими чертами, человек, восхищающийся подвигом и жертвой и одновременно легко поглощаемой «жизненной рутинной». Этот человек, конечно, сам поэт, сам Некрасов, способный породить столь сложный и противоречивый мир своей поэзии.

Начало этой «линии» положил достаточно традиционный «лишний человек», о котором говорилось в параграфе пятом настоящей главы, образ, практически ставший архетипическим благодаря романам И.С. Тургенева, но приобретший в некрасовской поэзии специфические обертоны, о которых мы и будем говорить в этом параграфе. У Некрасова это человек, имеющий в душе высокие идеалы, находящиеся в противоречии с реальной жизнью, с ее законами и требованиями. В некрасовской поэзии акцент переносится с классического вопроса «кто виноват?», вопроса о том, почему такой человек оказывается неспособен воплотить свои идеалы в жизнь, в чем проблема со средой, на внутреннее состояние самого лишнего человека. Судьба его трагична, потому что нереализованность ведет к тому, что человек чахнет, подобно попавшему не на свою почву цветку, «загнивает», не расцветши, не принеся плодов. Это мы видим в стихотворении «Еще скончался честный человек...»:

На дело благородное рожденный
 И грустно проводящий темный век
 В бездействии, в работе принужденной
 Или в разгуле жалком; кто желал
 Служить Добру, для ближнего трудиться...
 И в жажде дела сам себя ломал,
 Готовый на немногом помириться... (1, 169)

Некрасов ставит также вопрос не только в области психологии, но и в области нравственной. Лирический герой стихотворения признает, что среда не является фактором, полностью определяющим поведение человека, что у

человека (в особенности человека «развитого», просвещенного) всегда есть возможность выбора, тем самым не снимая ответственности за свои поступки с него самого. Об этом говорят такие слова как «сам себя ломал», «присмирел и руки опустил», «перебесился». И в этом смысле у «честного человека» есть причина испытывать «угрызения» совести, считать себя виновным и оправдываться, как в стихотворении «Человек сроков годов»:

Я не продам за деньги мненья,
 Без крайней нужды не солгу...
 Но - гибнуть жертвой убежденья
 Я не могу... я не могу... (3, 27)

Этот человек поэтому (и он сам это признает), подлежит «суду», в том числе суду новых поколений, которые вправе произнести ему приговор. Такой суд совершается в уже не раз цитированной нами «проблемной» «лирической комедии» «Медвежья охота», где герои склонны оправдать «либерала-идеалиста». Парадоксально, что «смягчающим обстоятельством» становится сама его бездеятельность, неспособность на какой-либо поступок, неспособность к самосовершенствованию в условиях враждебной, пошлой и косной среды, отсутствие поступка в такой ситуации становится способом неучастия в творящемся вокруг зле:

Грозный деятель в теории,
 Беспощадный радикал,
 Ты на улице истории
 С полицейским избегал;
 Злых, надменных, угнетающих
 Лишь презреньем ты карал,
 Не спасал ты утопающих,
 Но и в воду не толкал... (3, 17)

Сама трагедия жизни лишнего человека несет пользу, становится двигателем для изменения общества, которое должно устыдиться своего

собственного «вида», того, что оно собой представляет, будучи воплощенным упреком для нее:

Ты стоял перед отчизною,
Честен мыслью, сердцем чист,
Воплощенной укоризною,
Либерал-идеалист! (Там же)

Обращает также на себя внимание антитеза, появляющаяся в произведениях о человеке сороковых годов: грязной действительности и «чистого сердца» и помыслов «идеалиста». Этот случай важно отличать от «фихтеанского» идеализма – саморазвития, происходящего в отрыве от действительности. Здесь мы находим сложное взаимодействие с действительностью, предполагающее не абстрагирование от нее и не «гегелевское» принятие ее в нынешнем виде хотя бы как неизбежного зла, но постоянное ее созерцание, способность постоянно испытывать боль не только от собственного несовершенства, но и от несовершенства окружающего мира. До некоторой степени тем самым такой человек берет на себя «грехи» этого общества, становится страдающей фигурой, напоминающей Христа или подвижника, скорбящего над падшим человечеством и своими мучениями пытающегося выкупить для него возможность воскресения. Само страдание, таким образом, становится некоторой заменой любого вида самосовершенствования.

Такой сложный, можно сказать, парадоксальный тип самосовершенствования не мог существовать на протяжении всего творческого пути Некрасова. Он сменяется другим, во многом его продолжающим. Этот тип возникает уже в шестидесятых годах, под влиянием радикального изменения общественной обстановки. В самой жизни тип «лишнего человека» сменяется типом, представленным Чернышевским, Добролюбовым, персонажами, для которых подобный тип «страдающего эгоиста», бездеятельного идеалиста перестает вызывать уважение и сочувствие. Эти «новые люди» стремились воплотить в своей жизни идеал, который мы обозначили как «революционный» и уже в практически буквальном смысле этого слова, устремляясь не просто к

преодолению общественных предрассудков в своей личной жизни (это им казалось очень просто и стоило для них недорого), но к реальной деятельности по радикальному изменению общества и воспитания в себе подлинного борца и революционера.

Некрасов, связавший судьбу своих изданий (мы имеем в виду журналы «Современник» и «Отечественные записки») и свою поэтическую репутацию с радикальным «направлением», оказался вынужденным заново соотносить внутренний мир своего лирического героя с таким типом нравственного самосовершенствования. И делает он это по-новому. Герой по-прежнему остается «бездеятельным», однако его бездеятельность теперь существует уже не на фоне только общества, но и на фоне деятельности других, причем деятельности, так сказать, позитивной, совсем не сводимой просто к «неделанию зла». Бездеятельность потребовала, соответственно, нового осмысления и нового «оправдания» в рамках нравственного дискурса, темы пути самосовершенствования личности.

Способом самооправдания и представления бездеятельности как не препятствующей нравственному совершенствованию становится представление о ценности искренности, способности быть откровенным, признаваться в своих пороках, в том числе и в своей бездеятельности, страхе перед сильным поступком и ответственности и возможной кары за такой поступок. В своей монографии М.С. Макеев возводит появление этого мотива (с его точки зрения, появляющегося начиная с 1855 года, со стихотворения «Поэт и Гражданин», играющего ключевую роль для формирования нового облика Некрасова) к публицистике Томаса Карлейля, к образу Роберта Бернса в его книге «О почитании героев в истории»⁷³. Мы полагаем, что истоки этого мотива можно искать существенно глубже – в христианской традиции таинства исповеди.

⁷³ *Макеев М.С.* Роберт Бернс и Томас Карлейль в поэтическом самоопределении Н.А. Некрасова в середине 1850-х гг. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2008. № 2. С. 62-71.

В христианстве исповедь, момент абсолютной открытости перед Богом, готовность признаться в своих самых мерзких и постыдных грехах является необходимой предпосылкой для спасения души, для обретения самой возможности начала пути к Богу. Очевидно, уже сама готовность признать свои грехи, увидеть себя «великим грешником», есть положительная сторона человека. Более того, можно сказать, что противоположное – уверенность в том, что не в чем исповедаться, уверенность в собственной безгрешности – может быть присуща только «младенцу», для человека взрослого быть безгрешным невозможно. Исповедь у Некрасова не является актом своеобразного эксгибиционизма, она связана с раскаянием, без которого невозможно прощение. Это и делает исповедь, акт признания своей «вины» центральной, если можно так выразиться, моральной практикой в лирике Некрасова 60-70-х годов.

Лирический герой готов заявить, что он «много виноват» (стихотворение «О Муза, я у двери гроба...»). Особенно показательны стихотворение «Умру я скоро. Жалкое наследство...», написанное, как хорошо известно, в ответ на упреки в предательстве убеждений и соратников, в качестве которого многие современники восприняли печально известную «муравьевскую оду». Поэт признает себя грешником, как мы видим в стихотворении «Умру я скоро. Жалкое наследство...»:

Не торговал я лирой, но, бывало,
 Когда грозил неумолимый рок,
 У лиры звук неверный исторгала
 Моя рука...

<...>

Но, жизнь любя, к ее минутным благам
 Прикованный привычкой и средой,
 Я к цели шел колеблющимся шагом,
 Я для нее не жертвовал собой... (3, 40).

Цель исповеди, цель таких беспрецедентных признаний – обрести или утвердить свое право на прощение со стороны Родины, которую поэт признает высшим и единственным нравственным судьей:

За то, что я, черствея с каждым годом,
Ее умел в душе моей спасти,
За каплю крови, общую с народом,
Мои вины, о родина! прости!.. (3, 41)

Одновременно семантика исповеди дает возможность видеть себя как человека «не хуже других», тех лицемеров, которые столь же грешны, но отказываются в этом признаться, как мы видим в стихотворении «Зачем меня на части рвете...», также написанном по следам «муравьевской оды», одного из самых морально сомнительных поступков, совершенных Некрасовым на его жизненном пути:

Не оправданий я ищущу,
Я только суд твой отвергаю (3, 45).

В отличие от таких «критиков», у лирического героя есть шансы на «спасение» и прощение. Той инстанцией, которая наделена правом такого прощения, становится народ, как говорит Некрасов в стихотворении «Угомонись, моя Муза задорная...»:

Верь, что во мне необъятно безмерная
Крылась к народу любовь
И что застынет во мне теперь верная,
Чистая, русская кровь (3, 177).

Народ одновременно «чужд» лире поэта, и близок ему самому по своему духовному складу, по пониманию того, что есть подлинная нравственность, какие пути ведут к нравственному совершенству. Диалектике отношений сознания авторского и народного, анализу того, как в некрасовской поэзии народ понимает нравственное совершенство и какой путь к нему видит, какое место оно занимает в универсуме поэзии Некрасова, посвящена следующая глава данной работы.

Глава 3. Путь самосовершенствования человека из народа в поэзии Некрасова

Анализ, проведенный в предыдущей главе, касается той части поэзии Некрасова, в которой в эпических, лирических и лироэпических жанрах изображается поле и процесс духовных нравственных поисков образованного человека, представителя разночинной интеллигенции и мыслящей части русского дворянства, или даже аристократии, то есть представителя той группы, к которой принадлежали осознававшие себя авангардом российского прогресса и просвещения Белинский и его единомышленники. К этой группе принадлежал, разумеется, и сам Некрасов. Свои идеалы, нравственные принципы и пути самосовершенствования в их свете эти люди черпали из философских и публицистических книг, примеряя их к собственному душевному опыту и реалиям. Мы показали, какие проблемы психологического интеллектуального характера при этом возникали у Некрасова и какие решения их он искал и находил.

Между тем совершенно очевидно, что ограничиться изображением нравственных исканий образованного человека, говоря о проблематике нравственного самосовершенствования в поэзии Некрасова, невозможно. В этом случае мы упустили бы из виду, можно сказать, значительную часть поэзии Некрасова, стихотворения и поэмы, посвященные изображению людей «некнижной» культуры, говоря попросту, народа. Этот «народ» также не лишен нравственных поисков и интересующая нас проблематика встречается в «народных» произведениях Некрасова (от написанного в 1846 году «Огородника» до «Кому на Руси жить хорошо», работу над которой Некрасов вел в последние годы жизни) постоянно. В дальнейшем изложении мы покажем, что понимание нравственного пути самосовершенствования человека из народа для Некрасова имеет прямую связь с его собственными идейно-интеллектуальными поисками и размышлениями.

Тема «Народ в поэзии Некрасова», разумеется, принадлежит к одним из наиболее часто обращавших на себя внимание исследователей тем. Обзор этих исследований в данном случае не выглядит уместным. Народ появляется как важнейший герой некрасовской поэзии по целому ряду причин, среди которых и чисто художественные, и идеологические, и биографические. Стоит заметить только, что для Белинского интерес к простонародью и его мировоззрению имел на протяжении его интеллектуального пути скорее периферийное значение. Народ для критика и наставника Некрасова был носителем национального сознания, образа мира, в отличие от европеизировавшейся образованной части общества. При этом мужик в качестве эстетического объекта не вызывал у критика большого энтузиазма – жизнь простонародья представлялась Белинскому однообразной и потому неинтересной большому гениальному художнику, который мог коснуться ее только один раз и моментально исчерпать (как сделал, по мнению критика, например, Лермонтов в «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»).

Только в самые последние годы, в статьях, приветствовавших и утверждавших торжество «натуральной школы», Белинский начинает полагать, что жизнь низов общества, людей необразованных может давать богатый материал для художественного изображения действительности. Так критик писал в рецензии на книгу «Повести, сказки и рассказы казака Луганского» в 1846 году: «Мужик — человек, и этого довольно, чтобы мы интересовались им так же, как и всяким баринном. Мужик — наш брат по Христу, и этого довольно, чтобы мы изучали его жизнь и быт его, имея в виду их улучшение. Если мужик не учен, не образован — это не его вина...»⁷⁴

Мысли эти, однако, Белинским не были развиты подробно. До конца жизни он полагал, что высшей задачей, стоявшей перед русской культурой является вхождение в мировую, то есть, в первую очередь, европейскую, культуру. Достичь этого можно было, по мнению критика, только с помощью распространения образованности европейского типа среди максимально широких

⁷⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 81

слоев нации. Это означало, при всех оговорках о желательности сохранения национальной оригинальности этой будущей культуры, преобразование народного мира и возведение его на какую-то более высокую ступень развития с помощью того же образования, которое уже усвоено высшими, культурными слоями нации. Таким образом, столь большое внимание уделяя изображению народа, выискивая в этом однообразном, с точки зрения Белинского, быте внутреннее разнообразие типов, судеб, характеров, жизненных ситуаций, Некрасов как бы уклоняется от послушного и прямолинейного следования идеям Белинского. Хотя, конечно, поэт и отдавал им дань особенно в ранних стихотворениях, где проблемы крестьян часто понимаются как следствие их непросвещенности: неспособность ямщика понимать и сочувствовать высоким искусствам является причиной страданий героини стихотворения «В дороге», будущий муж героини «Тройки» охарактеризован вполне серьезно негативно как «неряха» и т.д..

В качестве примера того, что европейско-просветительские идеи не чужды были Некрасову до самых последних дней его жизни, можно привести и образ Якима Нагого из первой части «Кому на Руси жить хорошо» - крестьянина, тянущегося к культуре (к «картинкам», которые он ценит и любит сильнее денег), благодаря этому не просто возвышающегося над своими собратьями умом, способностью аналитически относиться к проблемам народной жизни, но и в чем-то превосходящего в проницательности доброжелательного «барина». Важная черта в этом персонаже – пробудившееся в этом крестьянине чувство собственного достоинства, заставляющего его «защитить» русское крестьянство от распускаемых слухах о его повальном пьянстве:

— Постой, башка порожняя!

Шальных вестей, бессовестных

Про нас не разноси!

Чему ты позавидовал!

Что веселится бедная

Крестьянская душа?

Пьем много мы по времени,
А больше мы работаем... (5, 42)

Это и есть главное преимущество Просвещения, культуры над докультурным состоянием, которое Некрасов видел в том, что образование, просвещение пробуждают в человеке (в том числе крестьянине) чувство собственного достоинства и тем самым делают чувствительным к насилию и унижению, собственно способны пробудить в человеке уважение к самому себе и, следовательно, к человеческому достоинству вообще. Наиболее яркий пример дает стихотворение «Нравственный человек», в частности, изображающее судьбу крепостного повара, покончившего с собой, не выдержав унижения:

Крестьянина я отдал в повара,
Он удался; хороший повар — счастье!
Но часто отлучался со двора
И званью неприличное пристрастье
Имел: любил читать и рассуждать.
Я, утомись грозить и распекать,
Отчески посек его, каналью;
Он взял да утопился: дурь нашла! (1, 58-59)

Повар в этой истории оказывается нравственно выше своего владельца. Если повар кончает с собой, и в этом проявляется его освобождение от социального зла, реализуется таким образом короткий путь самосовершенствования, завершающийся трагическим способом обретения свободы, то, возможно, что Яким Нагой может проделать путь более плодотворный. Однако увидеть в народе простого двойника интеллигента (пусть и не столь рационального, рефлексирующего, способного усвоить правильные идеи только интуитивно) поэту не позволяло его чувство правды, его художественная и нравственная интуиция. В своем приближении к народу Некрасову поэтому приходилось идти другим путем. Пристальное и преимущественное внимание к народу, его сознанию и быту скорее характерно или для современных Белинскому и враждебных ему славянофилов, или для

более поздних соратников Некрасова, считавших себя во многом продолжателями дела Белинского, – Чернышевского, Добролюбова, в целом поколения «шестидесятников», которое эти критики и публицисты представляли, а затем Михайловского, Лаврова и других «народников» 1870-х годов. Между тем, несомненно, что влияние славянофилов на Некрасова представляется сомнительным, а Чернышевский и Добролюбов начали свою деятельность уже тогда, когда Некрасов имел репутацию «народного поэта». Таким образом, речь идет здесь о теме, к которой Некрасов пришел во многом своим собственным путем, исходя из своих собственных «потребностей».

Понимание того, какими были эти «потребности», по нашему мнению, наиболее плодотворно наметил К.И. Чуковский в своих ранних, наиболее содержательных работах о творчестве и личности Некрасова. Позволим себе привести обширную цитату: «Народ был главным мифом его лирики, величайшею его галлюцинацией. В юности Некрасов и не знал, что ему выпадет роль «печальника горя народного». Еще в 1845 году он написал такие жестокие стихи о народе, что даже цензор укорял его за недостаток любви к мужикам. Но нужно же было ему найти какой-нибудь объект для лирических молитв и плачей. История подсказала ему, что этим объектом может быть только народ. И понемногу, под наитием своей собственной лирики, незаметно для себя самого, он сделался набожным народопоклонником. «Сице верую, сице исповедую, с сим живу и умираю». Вера в народ стала для него единою правою верою»⁷⁵.

При всей своей заостренности и чрезмерной субъективности, эта формулировка позволяет увидеть народ и народную жизнь в поэзии Некрасова как (выражаясь уже несколько устаревшим языком французского структуралистского психоанализа) поле «проекции» - пустого или загадочно темного места, на которое легко спроецировать и свои комплексы, и свои идеалы. Легко представить народ как мир, в котором то, чего не хватает самому мыслителю, присутствует с избытком, идеалы и принципы, не осуществимые в

⁷⁵ Чуковский К.И. Кнотом иссеченная муза // Чуковский К.И. Ук. изд. С. 37.

жизни самого поэта, представляются уже осуществленными в самой обычной повседневной жизни.

Такую формулировку мы и принимаем в нашем исследовании, сделав к ней, однако, несколько существенных оговорок. Прежде всего, мы не считаем народ у Некрасова чем-то чисто «иллюзорным»: наличие элементов «вымысла», субъективной конструкции, не отменяет реального «народознания» у Некрасова, его искреннего интереса к реальной жизни крестьян и стремления отразить в своих произведениях эту реальность, какой она виделась поэту. Кроме того, мы не считаем народ у Некрасова абсолютно идеализированным объектом поклонения. Образ народа в его творчестве, несомненно, включает в себя элементы идеализации и определенной редукции к идеологическим концепциям, однако совершенно не исключает и критику, показ дурных сторон. Народ у Некрасова – это скорее проблемное поле, в котором волнующие его самого нравственные вопросы получают как бы альтернативное, оригинальное, иногда практически невозможное в его собственной жизни решение. Именно в этом смысле мы также присоединяемся к мысли, что, говоря о народе, Некрасов едва ли не в большей степени говорит о самом себе – своих верованиях, страхах, надеждах, мечтах о возможном совершенствовании, обретении пути и цели человеческой жизни, достойной того, чтобы ее прожить.

Изображаемый Некрасовым народный мир и народный характер отличаются от мира образованного человека целым рядом «параметров». Едва ли не наиболее важный из них – простота и ясность моральных принципов и суждений. Связано это, конечно, с сохранившимся в сознании Некрасова условно «руссоистским» представлением о какой-то особенной близости народа к природе, к его «естественности». Конечно, оно выражено в первую очередь в стихотворении «Крестьянские дети», где герои растут на воле в гармонии с миром, вне развращающего влияния «науки» и социальных условностей:

В их жизни так много поэзии слито,
 Как дай бог балованным деткам твоим.
 Счастливый народ! Ни науки, ни неги

Не ведают в детстве они (2, 117).

В цикле «О погоде» лирический герой совершенно в духе Руссо призывает «освободить» городского ребенка от тесноты, духоты и грязи городской жизни:

Но не ж алко ли бедных детей!

Вы зачем тут, несчастные дети?

Неужели душе молодой

Уж знакомы нужда и неволя?

Ах, уйдите, уйдите со мной

В тишину деревенского поля!

Не такой там услышите шум,—

Там шумит созревающий колос,

Усыпляя младенческий ум

И страстей преждевременный голос (2, 186).

Детьми природы предстают и взрослые крестьяне, например, в стихотворении «Зеленый шум», герой которого слышит непосредственно голоса и мертвой зимы, и пробуждающейся весенней природы. Героиня «Мороза, Красного носа» вступает в прямое общение с воплощающим природные силы Морозкой.

Эта «естественность» приводит к тому, что у народа сохраняется простое и ясное отношение и к словам, и к делам, и к соотношению между словами и делами. В народном мире, соответственно, практически невозможна фигура, подобная описанному в предыдущей главе либералу-фразеру, прикрывающему словами о свободе и законе карьерные устремления, при этом одновременно верящему своим собственным фразам. Нечто подобное появится только на самом последнем этапе творческого пути Некрасова, в поэме «Кому на Руси жить хорошо» (здесь к такому словоблуду ближе всего подходит ложный староста Клим, персонаж «Последыша» и «Пира на весь мир»), но и он все-таки не является предателем народного мира. К таким типам можно отнести также некоторых «счастливых» из одноименной главы первой части поэмы).

Грех народ всегда назовет грехом - это особенно отчетливо видно в тех произведениях, где речь идет о самоубийстве, страшном смертном грехе с точки зрения христианской морали, который всегда несмотря ни на какие «смягчающие обстоятельства» классифицируется рассказчиком из народа как грех. Например, в стихотворении «Извозчик» дается общая оценка поступку главного героя:

Парень был Ванюха ражий,
 Рослый человек,—
 Не поддайся силе вражей,
 Жил бы долгий век (1, 151).

В стихотворении «Похороны» несмотря на симпатию и жалость, которую народный мир проявляет к бедному «стрелку», самоубийце, в самих применяемых к нему эпитету звучит абсолютно однозначная трактовка его поступка:

Почивай себе с миром, с любовью!
 Почивай! Бог тебе судия,
 Что обрызгал ты грешною кровию
 Неповинные наши поля! (2, 114)

Соответственно, и добродетель также однозначно называется добродетелью. Благодаря такой моральной ясности Некрасов может построить, например, стихотворение «Влас» на простой и резкой антитезе состояния Власа-грешника:

Говорят, великим грешником
 Был он прежде. В мужике
 Бога не было; побоями
 В гроб жену свою вогнал;
 Промышляющих разбоями,
 Конокрадов укрывал... (1, 154)

и Власа-праведника:
 Роздал Влас свое имение,
 Сам остался бос и гол
 И собирать на построение

Храма божьего пошел
 С той поры мужик скитается
 Вот уж скоро тридцать лет,
 Подаянием питается —
 Строго держит свой обет (1, 153-154).

При этом сам путь нравственного совершенствования удается показать как основанный на простом этическом решении, спровоцированным сильным моральным потрясением, избежав лишнего, затемняющего суть дело психологизма:

Влас увидел тьму кромешную
 И последний дал обет...
 Внял господь — и душу грешную
 Воротил на вольный свет (1, 153).

Такое же «легкое» нравственное перерождение можно видеть в стихотворении «Зеленый шум». Герой-рассказчик под влиянием голоса природы внутренним усилием преодолевает важнейший предрассудок, связанный с любовью и браком (о нем говорилось в предыдущей главе), выбирая любовь, терпение и прощение, ведущие к счастью и милосердию, к возможности полноценной жизни в любви, подавляя в себе вызванную чувством собственности ревность, способной привести только к нравственному падению и преступлению:

Слабеет дума лютая,
 Нож валится из рук,
 И всё мне песня слышится
 Одна — в лесу, в лугу:
 «Люби, покуда любится,
 Терпи, покуда терпится,
 Прощай, пока прощается,
 И — бог тебе судья!» (2, 143)

Подобная ясность решений характерна и для многих героев «Кому на Руси жить хорошо». Например, решение Матрены идти в город искать справедливости выглядит как моментальное «озарение»: вызванное непереносимой для героини мысли о страданиях ее мужа в солдатах:

Упал Филипп: — Помилуйте! —

«А ты попробуй! слюбится!

Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!

Укрепа богатырская,

Не розги у меня!..»

И тут я с печи спрыгнула,

Обулась (5, 177).

Подобная простота, конечно, недостижима для лирического героя Некрасова и других героев его поэзии, принадлежащих к образованным сословиям. Созерцание зла, как мы показали в предыдущей главе, у образованного человека может вести к самым разным реакциям и к разным способам самзащиты, защиты своего душевного покоя (эту способность человека жить в окружении зла и не чувствовать угрызений совести Некрасов показывал не хуже Льва Толстого, который с таким изображением ассоциируется в первую очередь). Высшее общество готово принимать человека, фактически продающего свою дочь, потому что «ведь играет он честно» (стихотворение «Папаша»), герой «панаевского цикла» не способен преодолеть свою ревность, отличить «лишнего человека» от простого бездельника и паразита («Медвежья охота») непросто, как и, например, понять, кто более аморален – вор или «торгаш» - в стихотворении «Вор» из цикла «На улице». В этом смысле действительно можно говорить о своеобразной идеализации народного мира и сознания в поэзии Некрасова. Мир народа можно помыслить даже как своего рода предмет «зависти» поэта, принадлежащего к миру существенно более морально сложному и противоречивому. Народ не читает Гегеля или Шеллинга для того, чтобы понять свое место в мире и свое предназначение, но и совершенно не нуждается в таком чтении.

Тем не менее, народная нравственность не чужда определенной сложности, она тоже образует свое проблемное поле и, как нам представляется, этим в большей степени интересна Некрасову, чем своей простотой и «идеальностью». Основная проблема связана с разрывом между двумя типами морали, одновременно присущими народному сознанию, народному миру. Несомненно, фундаментом народной морали является православное христианство. Для поэта некрасовского типа, связанного с идеалами, основанными на том, что можно назвать просвещенным вольнодумством, это представляет определенную проблему. Некрасов строго отделяет христианство как духовный опыт, как моральную основу сознания, от религии «официальной», во многом следуя за Белинским в понимании отношения русского крестьянства к православному духовенству. Легко вспомнить здесь знаменитое письмо к Гоголю, в котором великий критик упрекал великого писателя в непонимании того, что русский мужик – атеист по своему мироощущению («Приглядитесь пристальнее, и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности»⁷⁶), что больше всего он презирает «попов», и крестится, и ходит в церковь только по привычке или по принуждению: «...Неужели же и в самом деле Вы не знаете, - вопрошал великий русский критик великого русского писателя, - что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа? Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника. Кого русский народ называет: дурья порода, колуханы, жеребцы? — Попов. Не есть ли поп на Руси, для всех русских, представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства?»⁷⁷.

Некрасов, как можно видеть из его произведений, соглашался только со второй частью этого утверждения. В «Кому на Руси жить хорошо» особенно ясно видно отсутствие пиетета со стороны крестьян к священнику, в главе «Поп» первой части поэмы крестьяне не видят причины относиться к встречному попу

⁷⁶ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 215

⁷⁷ Там же.

как к представителю духовной власти, носителю нравственного и духовного авторитета, в конечном счете, посреднику между паствой и Богом. Для них он – представитель высшего сословия, обладатель привилегий, позволяющих видеть в нем потенциального «счастливого»:

«Попова каша — с маслицем,
 Попов пирог — с начинкою,
 Поповы щи — с снетком!
 Жена попова толстая,
 Попова дочка белая,
 Попова лошадь жирная,
 Пчела попова сытая.... (5, 26)

Это не мешает, конечно, тому, чтобы поп вызывал авторское сочувствие и сам сочувствовал крестьянам. Тем не менее, сам поп описывает типичное отношение к нему со стороны народа словами, весьма напоминающими инвективы Белинского:

Кого вы называете
 Породой жеребьячьей?
 <...>
 — О ком слагаете
 Вы сказки балагурные,
 И песни непристойные,
 И всякую хулу?.. (5, 20)

Крестьяне вынуждены признать правоту своего собеседника:

«Не сами... по родителям
 Мы так-то...»— братья Губины
 Сказали наконец.
 И прочие поддакнули:

«Не сами, по родителям!» (Там же)

В некрасовской поэзии, конечно, нельзя найти глубокого анализа, подробных объяснений такого положения дел (в том числе и, несомненно, по

цензурным причинам, заставлявшим касаться таких материй крайне осторожно). Тем не менее, возможно, проясняет дело другой поразительный эпизод из «Кому на Руси жить хорошо»: в главе «Демушка» изображается с натуралистичностью, поразившей современников, медицинско-судебный акт вскрытия мертвого, съеденного свиньями ребенка, воспринимаемого религиозной женщиной, Матреной Корчагиной, как надругательство над его телом и одновременно над душой самой потрясенной, убитой горем матери:

И стали тело белое
 Терзать и пластовать.
 Тут свету я невзвидела, -
 Металась и кричала я:
 - Злодеи! палачи!.. (5, 156)

Присутствующий при этой процедуре (очевидно, «по долгу службы») священник не только не оказывает какого-либо морального противодействия «палачам», но и становится соучастником их деяний, тоже кормящимся от незаконных деяний, которые он освещает авторитетом церкви:

лекарь руки мыл,
 Как водку пил. Священнику
 Сказал: «Прошу покорнейше!
 А поп ему: - Что просите?
 Без прутика, без кнутика
 Все ходим, люди грешные,
 На этот водопой! (5, 158)

Показательно сравнение со скотиной, которое применяет в данном случае священник к себе и своему «цеху». Очевидно, Некрасов присоединяется к достаточно распространенному в это время представлению об «омертвлении» официальной церкви, ухода из нее подлинной духовной жизни, превращение ее в бюрократическую инстанцию, мало чем отличающуюся от других государственных «департаментов» и ведомств. Такую веру (или хотя бы опасение) имели в 70-80-е годы многие выдающиеся писатели и поэты. Достаточно

вспомнить скептицизм, с детства усвоенное презрение к сельскому духовенству А.А. Фета, поиски праведности вне официальной церкви у Н.С. Лескова, приведшие его к созданию рассказов о праведниках, борьбу с казенной религией и исторической православной церковью Л.Н. Толстого. Даже в статьях М.Н. Каткова в «Московских ведомостях» по церковным вопросам можно увидеть сходные опасения.

Видимо, Некрасов идет дальше многих своих настроенных скептически современников. Тот же «отец Иван», участвовавший во вскрытии тела Демушки, не только считает нужным произнести шутливый каламбур, бесконечно оскорбительный для сердца крестьянки:

- Ножом в сердцах читаете, -

Сказал священник лекарю,

Когда злодей у Демушки

Сердечко распластал (5, 157).

Он, пользуясь расположением начальства, жалуется ему на крестьян:

Я слышала, как шепотом

Поп плакался ему:

— У нас народ — всё голь да пьянь,

За свадебку, за исповедь

Должают по годам.

Несут гроши последние

В кабак! А благочинному

Одни грехи тащат! (5, 158)

То есть священник фактически доносит власти на народ, распространяя о нем лживые, несправедливые слухи («миф» о народном пьянстве в поэме уже был к этому моменту разоблачен Якимом Нагим в главе «Пьяная ночь» из первой части поэмы). В этом контексте не только презрение к попу, но даже и связанное с ним ощущение опасности, проявляющееся в народной примете

- С кем встречи вы боитесь,

Идя путем-дорогою? (5, 20)

напоминает семерым мужикам поп в одноименной главе), выглядят закономерными и оправданными.

Однако Некрасов, как видно из многих его произведений, посвященных народу, не разделял уверенности своего незабвенного наставника в том, что русский мужик – прирожденный атеист. Некрасов не раз изображает народную религиозность, народную веру (начиная от «Власа» и кончая «Кому на Руси жить хорошо»). Несомненно, в целом ряде произведений она предстает как некий пережиток, результат невежества, выливающийся в нелепые и вредные суеверия. Так, в стихотворении «Осторожность» из цикла «Песни о свободном слове» крестный ход мешает тушить пожар:

Крестный ход в селе Остожье.
 Вдруг: «Пожар!» - кричит народ.
 «Не бросать же дело Божье –
 Кончим прежде крестный ход».
 И покудова с иконой
 Обходили всё село,
 Искрой, ветром занесенной,
 И другой посад зажгло.
 Погорели!.. (2, 225)

При этом уже в этом же ироничном тексте автор стремится развести понятия веры и суеверия, скрыто упрекая цензуру именно в том, что она борьбу с суевериями путает борьбой с верой:

В этом много
 Правды горькой и простой,
 Но ведь это против Бога,
 Против веры... ой! ой! ой!
 Тут полнейшая возможность
 К обвиненью без суда... (Там же)

Некрасов различает народную веру и народные суеверия и к первой готов отнестись «серьезно» и даже сочувственно, как к глубокому и подлинному

духовно-нравственному опыту. Более того, он готов был в определенные моменты признать, что сам не чужд такого опыта, непосредственного общения с богом. Этот опыт описан в поэме «Тишина», в центре которой находится образ сельского храма, являющегося своеобразным местом «встречи», соединения интеллигента и народа в общем порыве того, что можно назвать доверием к Христу:

Нет отрицанья, нет сомненья,

И шепчет голос неземной:

Лови минуту умиленья,

Войди с открытой головой!

<...>

Войди! Христос наложит руки

И снимет волею святой

С души оковы, с сердца муки

И язвы с совести больной... (4, 52)

Для автора-интеллигента, однако, такая вера, такой непосредственный порыв к Христу является принадлежностью детства, младенчества:

Я внял... я детски умилился...

И долго я рыдал и бился

О плиты старые челом,

Чтобы простил, чтоб заступился,

Чтоб осенил меня крестом... (Там же)

Это «детски-чистое чувство веры» для просвещенного, образованного интеллигента – пройденный этап его духовной эволюции, который может превращаться в своего рода потерянный рай, утрата детской веры подобна утрате невинности, о которой можно только мечтать. Эту детскую веру Некрасов и ценит в народе, предпочитая ее проявления не в официальных ритуалах, вроде молебна (хотя, надо признать, что и такие ритуалы могут в поэзии Некрасова в определенных случаях изображаться сочувственно, как, например, изображен заказанный Волконской молебен, о котором говорится в поэме «Русские

женщины)), но в, так сказать, неформальной, «самодеятельной» религиозности. Показательно, что Матрена Корчагина, глубоко и искренне верующая христианка, говорит о том, что молиться Богу лучше всего не в церкви:

Молиться в ночь морозную
 Под звездным небом Божиим
 Люблю я с той поры.
 Беда пристигнет — вспомните
 И женам посоветуйте:
 Усердней не помолишься
 Нигде и никогда (5, 177).

Подлинными носителями христианской веры и христианской духовности становятся у Некрасова люди, живущие вне церкви (как Иона Ляпушкин) и часто даже гонимые ею (как «старообряд Кропильников»), о которых рассказывается в главе «Пир на весь мир»). И само наличие в крестьянском мире таких персонажей, и те любовь и уважение, которыми они пользуются у народа (в том числе вопреки тому, что среди «странников и богомольцев» не раз оказываются авантюристы и мошенники), говорит о несомненном присутствии в народной душе подлинной, свободной от догматизма и суеверий веры.

Следовательно, присутствуют в ней подлинно христианские ценности, высочайшие требования любви к ближнему, самопожертвования в пользу ближнего, отказа от материальных целей и стремлений, стремления стяжания царства божия, уважение к бедности и так далее. Например, она выражена в стихотворении «Влас», в образах юродивых странников и богомольцев в фрагменте «Пир на весь мир» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»:

Знаком народу Фомушка:
 Вериги двупудовые
 По телу опоясаны,
 Зимой и летом бос,
 Бормочет непонятное,
 А жить — живет по-божески:

Доска да камень в головы,
А пища — хлеб один... (5, 203)

С другой стороны, не менее важна практическая мораль, обеспечивающая существование крестьянства как сословия, как образа жизни, как опоры экономики государства. В основе ее нечто противоположное – в качестве основной цели ставится достижение довольства, сытости, благополучия для себя и своей семьи, своего потомства через честный труд на земле. Такая мораль воспета, например, в поэме «Дедушка», в восторженном изображении вымышленного селения Тарбагатай:

Воля и труд человека
Дивные дивы творят!
Всё принялось, раздобрело!
Сколько там, Саша, свиней,
Перед селением бело
На полверсты от гусей;
Как там возделаны нивы,
Как там обильны стада!
Высокорослы, красивы
Жители, бодры всегда,
Видно — ведется копейка! (4, 115)

Можно сказать, что здесь мы видим очевидное противоречие между моралью «небесной» и «земной». Для внимательного читателя предыдущей главы видна очевидная гомология между народной моралью и моральными проблемами самого поэта, разрывом, противоречием в его собственном сознании между высокими идеалами и благородными способами их достижения и привязанностью к «действительной», практической жизни с ее существенно менее возвышенными целями и стремлениями.

На поле народной морали наиболее принципиально эта проблема поднимается, видимо, в поэме «Мороз, Красный нос», которая благодаря в первую очередь этому внутреннему противоречию трудно поддается

интерпретации. Главная героиня, Дарья, предстает в начале поэмы как носительница практического идеала:

В ней ясно и крепко сознание,
 Что всё их спасенье в труде,
 И труд ей несет воздаянье:
 Семейство не бьется в нужде,
 Всегда у них теплая хата,
 Хлеб выпечен, вкусен квасок,
 Здоровы и сыты ребята,
 На праздник есть лишний кусок (4, 81).

Этот идеал подчеркивается как отчасти противоречащий христианским принципам морали, предписывающей не только делиться с ближним своим достоянием, но и уважать бедность:

У ней не решится соседка
 Ухвата, горшка попросить;
 Не жалок ей нищий убогий —
 Вольно ж без работы гулять!
 Лежит на ней дельности строгой
 И внутренней силы печать (Там же) .

«Дельность» Дарьи превращает ее не просто в хорошую хозяйственную «матрону», но и женщину не без некоторой внутренней жесткости, рассматривающую бедность не как божью избранность, но как практически всегда результат лени, пренебрежения важнейшими для крестьянского мира практическими заповедями.

С другой стороны, уже во второй части поэмы, мы видим Дарью как истовую богомолку, отправляющуюся за чудотворной иконой, которая призвана исцелить безнадежно больного мужа, явить чудо. Эта Дарья несомненно симпатизирует миру монастыря, образу жизни монахинь и самому типу монаха:

Спит — молодая, спокойная,
 Знает, что будет в раю.

Поцаловала и я, недостойная,
 Белую ручку твою!
 В личико долго глядела я:
 Всех ты моложе, нарядней, милей,
 Ты меж сестер словно горлинка белая
 Промежду сизых, простых голубей.
 В ручках чернеются четки,
 Писанный венчик на лбу.
 Черный покров на гробу —
 Этак-то ангелы кротки! (4, 101)

Вопрос о том, как в поэме примиряются эти противоречия, конечно, крайне сложен. Возможно, тем не менее, ответ на него скорее прост, и в этой простоте и видит Некрасов силу народного сознания. Когда заболел Прокл, в первую очередь были применены, так сказать, практические, медицинские способы его спасения (пусть это медицина «народная», включающая в себя такие вызывающие одновременно улыбку и ужас средства, как купание больного в ледяной проруби):

Всё худо! Его продевали
 Три раза сквозь потный хомут,
 Спускали родимого в пролубь,
 Под куричий клали насест...
 Всему покорялся, как голубь,—
 А плохо — не пьет и не ест! (4, 89)

Только тогда, когда все эти средства показали свою бесполезность, энергичная женщина решила прибегнуть к сверхъестественному, исчерпав земную прагматику, она решила прибегнуть к помощи небесного царства. За чертой, ограничивающей земные возможности человека, начинается иной мир, с которым человек может пытаться вступить в контакт, а может и нет, в случае, если его вмешательство не нужно для его земной жизни:

Испробовать средства иного

Задумала баба: и в ночь
 Пошла в монастырь отдаленной
 (Верстах в тридцати от села),
 Где в некой иконе явленной
 Целебная сила была.. (Там же)

Примерно так обстоит дело и с двумя типами морали, сосуществующих в крестьянском сознании. Универсум христианских ценностей начинается за какой-то чертой, ограничивающей мир практической жизни. Сама эта черта, граница несколько другая, она проходит через само понятие стяжания жизненных благ. Само это достигаемое довольство находится как бы в зоне риска, что можно показать при сравнении Дарьи и героя стихотворения «Влас». Оба они эгоисты и ставят в первую очередь практические интересы в основу своего жизненного пути, своего развития. При этом Дарья при своей некоторой жесткости остается как бы в поле того, что можно назвать «разумным эгоизмом» (в духе учения Чернышевского), она не сочувствует ближнему, но и не стремится обогатиться за его счет, сделать свое счастье за счет чужого несчастья. В отличие от нее Влас именно настоящий «мироед», наживающийся на страданиях своих братьев:

У всего соседства бедного
 Скупит хлеб, а в черный год
 Не поверит гроша медного,
 Втрое с нищего сдерет!
 Брал с родного, брал с убогого,
 Слыл кашеём-мужиком... (1, 152)

В этом и есть главное различие. Эгоизм разумный, основанный на стремлении к довольству собственному и своей семье, но не заедающий чужие жизни, имеет шанс в ситуации исчерпанности земных средств вступить в контакт с небесными силами. Не в том буквальном смысле, что действительно получит вознаграждение, увидит действие чудотворной иконы наяву, а в том, что в трагический, безнадежный момент может ощутить, что не утратил контакта с высшей нравственностью, что она может прийти ему на помощь, дать надежду и

утешение в тот момент, когда любые практические, земные средства и возможности способны внушить только отчаяние.

Соответственно, Влас, эгоизм которого перешел разумные границы, превратился в настоящее хищничество, в момент безнадежности, в момент истощенности земных средств спасения, также оказывается перед силами потусторонними, но только в его случае это уже не небесная благодать, но адская, сатанинская власть, в поле которой он очутился:

Власу худо; кличет знахаря —

Да поможешь ли тому,

Кто снимал рубашку с пахаря,

Крал у нищего суму?

Только пуце всё неможется.

Год прошел — а Влас лежит...

<...>

Говорят, ему видение

Всё мерещилось в бреду:

Видел света преставление,

Видел грешников в аду;

Мучат бесы их проворные,

Жалит ведьма-егоза... (1, 153)

В этом случае спасение может прийти только через соединение практической и христианской морали, точнее, через поглощение второю первой. Влас дает обет отказаться от имущества и больше не искать земных благ, отдавшись полностью служению христианскому богу.

Таким образом тот урок, который мог Некрасов извлечь из этого странного соединения разных типов морали в одном и том же крестьянском сознании, ни на секунду не задумывающемся об их противоречии и необходимости как-то их логически соединить, заключается в том, что, работая ради земных благ, человек все равно находится, так сказать, в поле действия христианской морали, живущей в его душе в роли своего рода наблюдателя, арбитра, готового в трагический

момент превратиться в беспощадного судью или милостивого утешителя. Работая для земных благ, нельзя забывать о благах небесных, нельзя переходить границу, за которой человек уже вступает в непримиримый конфликт с христианскими идеалами.

Обнаруженная нами «пограничная опасная зона» между моралью земной и моралью небесной заставляет поставить вопрос о том, совершенно ли народная мораль, народный нравственный универсум противопоставлен нравственному универсуму образованного человека. Нет ли как раз в этой зоне» ценностей общих, скорее народ и интеллигенцию способных объединить. Вопрос этот был для Белинского скорее периферийным, в том числе потому, что критик не обдумывал идею революции, которую совершила бы масса простого народа в союзе или под руководством интеллигенции (что, конечно, совсем не значит, что такая идея была бы ему абсолютно враждебной). Такая озабоченность, конечно, стала более значимой для Чернышевского и мыслителей его поколения, для которых идея крестьянского восстания под руководством передовой молодежи, как им казалось, стояла на повестке дня.

Несомненно, что Некрасова волновали подобные вопросы. Об этом, в первую очередь, свидетельствует образ Григория Добросклонова, продолжающий и венчающий линию «друзей мужика», «народных заступников» в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Необходимо народному заступнику, видящему свой путь самосовершенствования как ведущий к подвигу, к принесению себя в жертву народному счастью, иметь общий язык с народом. Этот общий язык, конечно, не мог заключаться в сходстве одежды, выговора и привычек. Эта общность должна быть общностью нравственных принципов, ценностей в том числе потому, что революционному интеллигенту необходимо удостовериться в том, что его будущая паства или армия действительно хочет того же, чего и он сам, готова отстаивать то же, что и он.

Видимо, Некрасов разделял оптимизм, присущий его молодым сотрудникам и в некотором смысле соратникам. Для понимания основания этого оптимизма следует снова обратиться к проделанному нами сопоставлению путей

Дарьи и Власа. Различие между праведностью и грешностью, точнее, между доступностью спасения и проклятостью, определяется отношением к другим, к своим же товарищам. Собственно говоря, можно сказать, что, обращаясь к исследованию народного характера, Некрасов, вслед за, например, Герценом, обнаруживает в системе народной морали идею братства, аналогичную или очень близкую просветительской идее (части великой триады Французской революции – Свобода, Равенство, Братство).

Герцен видел проявление этой ценности в идее общины, Некрасов увидел ее в идее народного «мира». Апофеозом этой идеи становится поэма «Кому на Руси жить хорошо». Сама мысль об общности крестьянства как важнейшей ценности, поддерживает даже сюжет поэмы: крестьяне, путешествуя по всей стране, везде должны находить единомышленников, говорящих с ними на одном языке, то есть разделяющими общие ценности. Важно, что завязавшийся в части «Пир на весь мир» спор о том, «чей грех страшнее», развивается прежде всего в аспекте вины перед крестьянским миром. Самым страшным грешником оказывается староста Глеб, чей грех заключается не в нарушении христианских заповедей, а в предательстве своих братьев:

На десятки лет, до недавних дней
 Восемь тысяч душ закрепил злодей,
 С роду, с племенем; что народу-то!
 Что народу-то! с камнем в воду-то!
 Всё прощает бог, а Иудин грех
 Не прощается.
 Ой мужик! мужик! ты грешнее всех,
 И за то тебе вечно маяться! (5, 211)

И наоборот, грех атамана Кудеяра, убийцы, нарушившего обет и снова пролившего кровь, прощается именно потому, что он был в духе учения апостола Павла, погубить свою душу ради спасения душ своих братьев:

Чудо с отшельником случилось:
 Бешеный гнев ощутил,

Бросился к пану Глуховскому,
 Нож ему в сердце вонзил!
 Только что пан окровавленный
 Пал головой на седло,
 Рухнуло древо громадное,
 Эхо весь лес потрясло.
 Рухнуло древо, скатилось
 С инока бремя грехов!.. (5, 210)

Стоит в процитированном фрагменте обратить на слово «чудо», которое удивительным образом применено не для характеристики действительно фантастического события – падения дерева, которое не удалось спилить за долгие годы кропотливой работы, но к тому чувству гнева, который охватил сделавшегося отшельником атамана разбойников. Именно этот гнев, эта способность простого человека вспылать жалостью к своим братьям и негодованием, жадой мщения к их угнетателям и есть подлинное чудо, живущее в душе крестьянина.

Соответственно и на вершине иерархии крестьянских типов, выстраивающейся в поэме постепенно с ходом развития действия, оказываются персонажи, во многом подобные Добролюбову и Чернышевскому, – народные заступники, бунтари, говорящие нет существующему положению вещей, потому что задето их чувство собственного достоинства (как в случае повара из «Нравственного человека»), под которым, конечно, необходимо понимать проявляющуюся в зачаточном состоянии идею равенства, еще одну высшую ценность Просвещения, Великой Французской революции.

Это, однако, не все. Такие герои, в отличие от анонимного повара, ощущают, что рабством, издевательством со стороны господина «задеты» их братья. Таковы Савелий, «богатырь святорусский», Агап Петров, во многом к этому типу примыкает и Яков верный, холоп примерный. Верность миру, готовность стоять и страдать за мир, позволяет, например, Савелию говорить от имени всего крестьянства, отстаивая его достоинство:

В том богатырство русское.
 Ты думаешь, Матренушка,
 Мужик — не богатырь?
 И жизнь его не ратная,
 И смерть ему не писана
 В бою — а богатырь! (5, 149)

Савелий, «богатырь святорусский», поднимается в своем монологе до глубоких обобщений о судьбах русского крестьянства, что делает его наиболее близким из народных персонажей к образованному революционеру:

Как вы ни бейтесь, глупые,
 Что на роду написано,
 Того не миновать!
 Мужчинам три дороженьки:
 Кабак, острог да каторга,
 А бабам на Руси
 Три петли: шелку белого,
 Вторая — шелку красного,
 А третья — шелку черного,
 Любую выбирай!.. (5, 165)

Это же «мирское» чувство пробуждает достоинство в Агапе Петрове и позволяет ему обличить и выжившего из ума Последыша, и своих собратьев, унижающих себя игрою в рабов:

Так он вскричал: «Убью!»
 Что брага, раскуражились
 Подонки из поганого
 Корыта... Цыц! Нишкни!
 Крестьянских душ владение
 Покончено. Последыш ты!
 Последыш ты! По милости
 Мужичкой нашей глупости

Сегодня ты начальствуешь,
 А завтра мы Последышу
 Пинка — и кончен бал!
 Иди домой, похаживай,
 Поджавши хвост, по горницам,
 А нас оставь! Нишкни!.. (5, 102-103)

Таким образом, это «мирское» чувство рождает или само является порождением еще одной ценности, которую мужик неосознанно разделяет с революционным интеллигентом – любви к свободе. Это мирское чувство имеет и Гриша Добросклонов, человек, с одной стороны, близкий народу, с другой – прошедший отличный от народного путь становления:

И скоро в сердце мальчика
 С любовью к бедной матери
 Любовь ко всей вахлячине
 Слилась,— и лет пятнадцати
 Григорий твердо знал уже,
 Кому отдаст всю жизнь свою
 И за кого умрет (5, 228).

Свобода оказывается для мужика, как и для образованного человека, в определенные моменты важнее самосохранения, даже если в своей рутинной практической жизни он не считает ее достижение первоочередной задачей. Об этом свидетельствует описанный Некрасовым процесс осмысления этого нового свободного состояния, как свалившегося на голову откуда-то сверху, в тот момент, когда ее никто не просил. Вахлаки только постепенно начинают осознавать свободу, как доставшуюся ценность, которой надо распорядиться с умом, как инструментом для достижения крестьянского счастья:

Пошло, толпой подхвачено,
 О крепи слово верное
 Трепаться: «Нет змеи —
 Не будет и змеенышей!» (5, 215)

Для Гриши же Добросклонова то, что всему виною «крепь», ясно с самого начала, в его душе свобода изначально высшая ценность, а рабство – причина творящегося в мире зла и несправедливости:

Всему виною: крепь!

— Змея родит змеенышей,

А крепь — грехи помещика,

Грех Якова несчастного,

Грех Глеба родила!

Нет крепи — нет помещика,

До петли доводящего

Усердного раба... (Там же)

Не только чувство «мира» порождает в народе любовь к свободе, умение ценить свободу и требовать ее. Еще одно чувство также ведет крестьянина к тому, чтобы стать бунтарем. Это уже упоминавшаяся любовь. Она не только способна избавить крестьянина от предрассудков, она же вызывает в душе человека из народа требование свободы. Об этом говорит, например, стихотворение «Катерина» из цикла «Песни», героиня которого изменяет мужу не просто потому, что не любит его, предпочитая «солдатика Федю», но как будто изменой утверждая свою свободу, право на любовь вне тесных и мучительных рамок крестьянского брака:

Есть солдатик — Федя, дальняя родня,

Он один жалеет, любит он меня;

Подмигну я Феде,— с Федей мы вдвоем

Далеко хлебами за село уйдем.

Всю открою душу, выплачу печаль,

Всё отдам я Феде — всё, чего не жаль!

«Где ты пропадала?» — спросит муженек.

— Где была, там нету! так-то, мил дружок! (2, 249)

Любовь превращает в своего рода бунтарку и Матрену Тимофеевну Корчагину, заставляя ее совершить поступок, так сказать, нетипичный и

непозволительный для крестьянской женщины, – бросить дом и отправиться в губернский город искать заступничества и справедливости у губернатора. Любовь не просто заставляет искать свободы, она прямо освобождает, делает человека свободным:

Зеленеет лес,
 Зеленеет луг,
 Где низиночка —
 Там и зеркало!
 Хорошо, светло
 В мире божием,
 Хорошо, легко,
 Ясно на сердце.
 По водам плыву
 Белым лебедем,
 По степям бегу
 Перепелочкой (5, 184).

Как видно из приведенной цитаты, любовь преобразует человека, как бы возвращает в лоно природы. Некрасов использует вполне традиционное сближение человека и природы, наделяя его моральным и одновременно социальным смыслом. В стихотворении «Огородник» любовь оказывается средством, преодолевающим сословные барьеры, способность смотреть на женщину глазами любящего, по-настоящему делает незначительными и невидными различия в культурах, благосостоянии, социальном положении:

По торговым селам, по большим городам
 Я недаром живал, огородник лихой,
 Раскрасавиц девиц насмотрелся я там,
 А такой не видал, да и нету другой.
 Черноброва, статна, словно сахар бела!..
 Стало жутко, я песни своей не допел (1, 39).

Сам сюжет стихотворения основан как бы на столкновении двух порядков – социального и природного. При этом социальный порядок, основанный на принципах запрета, с точки зрения которых «Знать, любить не рука / Мужу да дворянскую дочь!», конечно, в результате торжествует, но обнаруживает себя при этом как враждебный человеческому счастью и свободе.

Так мужики, крестьяне, во всяком случае, лучшие из крестьян оказываются потенциальными «единомышленниками» революционного интеллигента, которому не надо в результате «подделываться» под народный язык или носить народный костюм. Ему надо говорить с народом, раскрывая перед ним свою душу, говорить о важном для себя и быть уверенным, что народ поймет и примет его проповедь. Так происходит с Григорием Добросклоновым, говорящим о высоких идеалах как о чем-то задушевном, интимном:

— Не надо мне ни серебра,
 Ни золота, а дай господь,
 Чтоб землякам моим
 И каждому крестьянину
 Жилось вольготно-весело
 На всей святой Руси! —
 Зардевшись, словно девушка,
 Сказал из сердца самого
 Григорий — и ушел (5, 216).

Именно в этот момент он становится как бы сыном народа, любезным его сердцу:

Дьячок рыдал над Гришею:
 «Создаст же бог головушку!
 Недаром порывается
 В Москву, в новорситет!»
 А Влас его поглаживал:
 «Дай бог тебе и серебра,
 И золотца, дай умную,

Здоровую жену!» (Там же)

Здесь важно, что народ благословляет его не только на счастливую личную, семейную жизнь, но и на поступление в «новорситет», на продолжение обучения, увеличивающего знания. Народ, кажется, готов принять и образование, просвещение, понять его ценность. Только не за букву, не за «красивые слова», непонятные выражения, вроде «царь батюшка», «Рассея», «аптечество», которые ничего не дают и ничего не имеют за собой кроме желания быть непохожим на мужика, кроме желания возвыситься над его простым умом, а за результат:

Каких-то слов особенных
 Наслушался: атчество,
 Москва первопрестольная,
 Душа великорусская.
 «Я — русский мужичок!» —
 Горланил диким голосом
 И, кокнув в лоб посудю,
 Пил залпом полуштоф! (5, 98)

Гришин ум, образование приносят пользу самим крестьянам, пользу зримую и очевидную, и потому само Просвещение они вполне могут представить не как продукт барской праздности, но как полезное дело, служащее их же, крестьян, свободе и счастью.

Эта мысль развивается в быстро ставшем хрестоматийном стихотворении «Школьник». Крестьянский мальчик, когда поступит в университет, не превратится в барина-белоручку, но станет таким же тружеником, каким бы он стал, если бы просто пошел по стопам своих предков, но только тружеником на более широком поле:

Не без добрых душ на свете —
 Кто-нибудь свезет в Москву,
 Будешь в университете —
 Сон свершится наяву!
 Там уж поприще широко:

Знай работай да не трусь... (2, 35)

Сближает народ с интеллигенцией и еще одна важная черта. Некрасов никогда не принимал представления о том, что мужик как-то легче переносит и нравственные унижения и физические страдания (и высмеивает такие представления, например в стихотворении «Размышления у парадного подъезда»:

Впрочем, что ж мы такую особу
 Беспокоим для мелких людей?
 Не на них ли нам выместить злобу? —
 Безопасней... Еще веселей
 В чем-нибудь приискать утешенье...
 Не беда, что потерпит мужик:
 Так ведущее нас провиденье
 Указало... да он же привык! (2, 49)),

не раз показывая, что «долготерпение» и толстокожесть русского мужика есть миф, создаваемый сильными мира сего для того, чтобы, закрывая глаза на его страдания, пользоваться плодами мужицких трудов (например, такая позиция озвучивается князем Воехотским в «Медвежьей охоте»:

Здесь мужику, что вышел за ворота,
 Кровавый труд, кровавая борьба:
 За крошку хлеба капля пота —
 Вот в двух словах его судьба!
 Его сама природа осудила
 На грубый труд, неблагодарный бой
 И от отчаянья разумно оградила
 Невежества спасительной броней.
 Его удел — безграмотство, беспутство,
 Убожество и чувством, и умом... (3, 13-14).

Народ так же чувствует усталость и боль, как и господа, так же болезненно переживает утрату любимых и близких (хорошим, примером служит поведение Дарьи в поэме «Мороз, Красный нос»). Как мы видели, не менее болезненно

мужик может переживать и несправедливость. Как и господа, народ тоже может быть склонен к эскапизму, к уходу от действительности в иной мир, мир внутренний и иллюзорный.

Конечно, часто средством такого ухода от действительности становится пьянство. В стихотворении «Вино» рассказано сразу несколько историй, когда алкоголь, опьянение становится средством смягчить ужасные мысли и чувства, представить мир в лучшем свете, забыть на время о несправедливости и страданиях, которыми насыщена жестокая действительность, в конечном счете удержаться от преступления, от падения в духовную пропасть:

Наточил я на старосту нож
 И для смелости выпил вина.
 Да попался Петруха, свой брат,
 В кабаке: назвался угостить;
 Даровому ленивый не рад —
 Я остался полштофа распить.
 А за первым — другой; в кураже
 От души невзначай отлегло,
 Позабыл я в тот день об ноже,
 А наутро раздумье пришло... (1, 67)

Тема народного пьянства подробно обсуждается в поэме «Кому на Руси жить хорошо». И здесь в устах Якимы Нагого звучит мысль о том, что источником пьянства является не какая-то особенно порочная и грубая натура крестьянина, но трудность его жизни, непереносимость для него его «действительности»:

Нет меры хмелю русскому.
 А горе наше меряли?
 Работе мера есть?
 Вино валит крестьянина,
 А горе не валит его?
 Работа не валит?
 Мужик беды не меряет,

Со всякою справляется,
Какая ни приди (5, 44).

Другой вид эскапизма представлен в поэме «Мороз, Красный нос». Убитая горем крестьянская женщина погружается в сон, в котором присутствуют и фантастическое существо – Морозко – и преобразенная действительность. В своем «заколдованном сне» Дарья видит, совершенно как какой-нибудь герой Достоевского (Версилов или «странный человек»), мир, в котором царит идеальный порядок, мир, в котором торжествует справедливость, добро вознаграждается и побеждает саму смерть. Бедная женщина отвечает правильно на вопросы Мороза, не жалуется и за это получает вознаграждение:

И вот перед ней опустился!
— Тепло ли? — промолвив опять,
И в Проклушку вдруг обратился,
И стал он ее целовать (4, 105).

Мертвая зима сменяется на лето, земля, скованная морозом и снегом, не способная приносить плоды, сменяется образом изобильного плодородия:

И снится ей жаркое лето —
Не вся еще рожь свезена,
Но сжата,— полегче им стало!
Возили снопы мужики... (4, 106)

Мир, рисующийся Дарье в ее сне, мир реальный, но одновременно трансформированный силой ее воображения, силой ее веры и любви. Фактически это такой же «фихтеанский» способ отношения к действительности, который изображен в некрасовских стихотворениях об образованном человеке.

Так же, как и в мире людей образованных, эскапизм, уход от действительности в мир мечты, грез, идеалов, опьянения не может быть прочным и окончательным. И здесь грубая действительность неизбежно вторгается в него. Так пьянство защищает от убийства, от пролития крови, но приводит в тюрьму героя стихотворения «Вино»:

Наточивши широкий топор,

«Пропадай!» — сам себе я сказал;
 Побежал, притаился, как вор,
 У знакомого дома — и ждал.
 Да прозяб, а напротив кабак,
 Рассудил: отчего не зайти?
 На последний хватил четвертак,
 Подрался — и проснулся в части... (1, 67)

Сон Дарьи, как бы прекрасен ни был, как много бы ни говорил о красоте крестьянской женщины, присутствии в ней такого же идеала бессмертной любви и гармонии, который есть в душе образованного «фихтеанца», является воплощением умирания. Действительность внешняя – морозная мертвящая зима – «сильнее», настоятельнее действительности внутренней и неизбежно победит в борьбе с нею:

Ни звука! Душа умирает
 Для скорби, для страсти. Стоишь
 И чувствуешь, как покоряет
 Ее эта мертвая тишь.

<...>

А Дарья стояла и стыла
 В своем заколдованном сне... (4, 109)

В отличие от интеллигента, у народа нет «гегелевского» разумного приятия действительности. Точнее, те, кто сознательно принимает действительность, законом которой является унижение и бесправие, это дворовые, холопы, вызывающие у настоящих крестьян-хлебопашцев, тружеников только презрение:

Люди холопского звания —
 Сущие псы иногда:
 Чем тяжелей наказания,
 Тем им милей господа (5, 196).

Целая череда таких дворовых самоучек-«гегельянцев» присутствует в той же «Кому на Руси жить хорошо», но эта группа не считается крестьянами своей, она не принадлежит к народному «миру», представляет собой межеумков-отщепенцев, противопоставляющих себя этому миру, стремящихся над ним возвыситься, но в результате не обретающих никакой «альтернативной» культуры и морали, подобно знаменитому пьяному лакею из главы «Счастливые» первой части поэмы:

Болезнью благородною,
Какая только водится
У первых лиц в империи,
Я болен, мужичье!
По-да-грой именуется! (5, 55)

В результате лакей попадает на воровстве и получает от народных «судей» заслуженное позорное наказание.

В принципе, до некоторой степени возможен у народа и эстетический, «шеллингианский» способ отношения к миру, к действительности. Крестьянин способен видеть красоту этого мира, так сказать, как таковую, о чем свидетельствуют введенные в поэму «Кому на Руси жить хорошо» пейзажные картины, как бы увиденные глазами народа, описанные на народном языке:

Весной, что внуки малые,
С румяным солнцем-дедушкой
Играют облака:
Вот правая сторонushка
Одной сплошною тучею
Покрылась — затуманилась,
Стемнела и заплакала:
Рядами нити серые
Повисли до земли (5, 21).

Важно, однако, что этот народный эстетизм никогда не становится любованием «чистым искусством». За ним всегда стоит здоровое, дельное, можно

сказать, «дидактическое» или прагматическое отношение к миру и в том числе к его красоте. Само только что приведенное великолепное описание начала дождя имеет значение немилости природы по отношению к крестьянам. Только что они, разглядывая протянувшиеся вдоль «дороженьки» картины, сетовали на то, что поля затоплены и это препятствует началу сельских работ и ставит под угрозу будущее благосостояние деревень:

Вода — куда ни глянь!

Поля совсем затоплены,

Навоз возить — дороги нет,

А время уж не раннее —

Подходит месяц май! (Там же)

Отношение народа к природе и миру практически всегда «дельное» и здоровое и трезвое. Соблазна «эпического спокойствия», незаинтересованности чистого художника, гения, равно приемлющего добро и зло, пользу и вред, в народном мире не существует. Это, конечно, вытекает и из описанной нами выше ясности и простоты морального сознания народа.

Таким образом проведенный в третьей главе анализ произведений Некрасова народной тематики показывает, что изображаемое поэтом русское крестьянство вводится в то же проблемное поле, что и образованное общество. Нравственный универсум народа, с одной стороны, резко отличается по своим общим чертам от системы ценностей образованного человека, с другой — во многом ей гомологичен. Изображая народ, Некрасов не создает ни своего идеализированного антипода, ни своего замаскированного двойника.

В народе Некрасов создает то же проблемное поле со сходными проблемами. При этом эти проблемы могут решаться сходным образом, а могут иначе, могут быть столь же настоятельно требовать разрешения, а могут оказаться незначимыми, нерелевантными. Вопросы, не поддающиеся решению в сложном и противоречивом мире образованного человека, могут находить легкие решения в простом и ясном народном мире. Именно в этом смысле можно и нужно утверждать, что, изображая народ, говоря о народном мире и его нравственных

ценностях, Некрасов действительно рассуждает и о самом себе, о природе нравственных ценностей вообще, об истинном пути самосовершенствования человека. О том, к чему должен вести этот путь.

Эта гомология создает единство и органичность всему художественному миру Некрасова, в котором разнообразные персонажи, обладающие разным интеллектуальным багажом, разным социальным статусом, разным уровнем образования, окруженные разными близкими мирами, говорящие на разных социолектах, одновременно представляют собой единство человечества. Это единство создается единством для всех нравственных вопросах, общей необходимостью занять позицию по отношению к несовершенной действительности, избрать путь самосовершенствования.

Всех их на этом пути поджидают сходные соблазны и опасности, некоторые из которых преодолимы, некоторые – нет. Но для всех сохраняется избрать тот единственный путь, который ведет человека к подлинно совершенной жизни, посвященной высоким идеалам, жизни при свете нравственных ценностей, «тесный», трудный путь. Об этом во многом поется в песне из заключительной части поэмы «Кому на Руси жить хорошо», подводящей итог поэтической деятельности Некрасова, итог его нравственного поиска:

Средь мира дольного
Для сердца вольного
Есть два пути.
Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твердую:
Каким идти? (5, 228).

Заключение

Проведенный анализ поэтического творчества Некрасова показал, что проблематика пути самосовершенствования играет в нем важную роль, представляя собой едва ли не центральный смыслообразующий элемент.

Мы постарались показать, что Некрасов усвоил от Белинского его единомышленников не только ту систему «революционную» систему моральных ценностей, основанную на радикальном отрицании общественно-политической «действительности», которая сложилась у великого критика и его круга на последнем этапе идейной эволюции (на котором Некрасов и присоединился к этому кругу, став своего рода учеником Белинского), но и те этапы, через которые Белинский и его единомышленники прошли.

Эти этапы основаны на разных способах отношения к действительности и соответственно на разных представлениях о требуемом для человека, желающего обрести смысл жизни, прожить жизнь, стоящую проживания, пути самосовершенствования. Эти этапы мы условно охарактеризовали как «шеллингианский» (позиция незаинтересованного художника, созерцающего мир с эпическим спокойствием и равно приемлющего все его явления), «фихтеанский» (путь эскапизма, погружения в свой внутренний мир, полного абстрагирования от социальной действительности), «гегельянский» (разумное принятие наличной действительности, примирения с нею как с в свою очередь «разумной» и даже в случае ее несовершенства представляющей собой закономерный и неизбежный этап в осуществлении абсолютной гармонии и порядка) и «революционный» (основанный на радикальном неприятии действительности как несправедливой и нуждающейся в безотлагательном и тотальном переустройстве).

Мы показали далее, что если для Белинского первые три типа отношения к действительности располагаются в диахронии, как пройденные, пережитые этапы, каждый из которых был отброшен, поглощен следующим, воспринимающийся как ложный, связанный с заблуждением, то в случае Некрасова все эти типы не

потеряли своей силы и воздействия. Они в произведениях поэта располагаются в синхронии, как совсем не утратившие привлекательности и по-прежнему возможные для сознательного этического выбора.

Мы высказали и постарались аргументировать объясняющую эту ситуацию гипотезу, заключающуюся в том, что Некрасов не прошел самостоятельно указанного пути, не пережил последовательно эти этапы, не имел возможности в них разочароваться и испытать к ним ненависть и презрение, характерные для отношения Белинского к его прежним взглядам, всегда воспринимавшимся критиком задним числом как пагубные и постыдные заблуждения.

То же относится и к «революционному» взгляду на действительность и порождаемому им типу самосовершенствования, в основе которого лежит воспитание себя для подвига-жертвы ради построения справедливого мира. Если Белинский не просто пропагандировал, но прямо воплощал такую революционную позицию, то Некрасов воспринимал ее со стороны. По этой причине возникает еще один, пятый, тип отношения к действительности. Это позиция человека развитого и благородного, гуманного, способного видеть зло в мире и не желающего с этим злом мириться, принимающего до некоторой степени разные способы ухода от этого зла, разные способы борьбы и справления этого зла.

Этим обусловлена сложность нравственной системы, лежащей в основе некрасовской поэзии, делающей ее не системой ясных пропозиций, но тем, что мы называем вслед за М.С. Макеевым «проблемным полем», где базовые ценности, сохраняясь постоянно, одновременно складываются в разные логические смысловые конфигурации, не столько агитируя читателя за принятие какой-то моральной системы, сколько заставляя задуматься над теми принципами, которые лежат в ее основе.

Наконец в третьей главе работы мы показали, что в своих «народных» произведениях Некрасов создает то же проблемное поле со сходными проблемами. При этом эти проблемы могут решаться сходным образом, а могут

иначе, могут быть столь же настоятельно требовать разрешения, а могут оказаться незначимыми, нерелевантными. Вопросы, не поддающиеся решению в сложном и противоречивом мире образованного человека, могут находить легкие решения в простом и ясном народном мире.

В свою очередь, эта гомология придает видимое единство и органичность всему художественному миру Некрасова, основанному на единстве базовых ценностей, единстве нравственных проблем, с которыми сталкивается любой человек на пути своего самосовершенствования.

Список литературы

Источники

1. Антонович М.А., Жуковский Ю.Г. Материалы для характеристики современной русской литературы. СПб., 1869.
2. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений и писем в 13 т. М., 1953-1958.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук в 3 т. М., 1974-1977.
4. Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 томах М., 1954-1966.
5. Кант И. Критика способности суждения. М., 1994.
6. Литературное наследство. Т. 49-54 (Некрасов). М., 1949.
7. Литературное наследство. Т. 55-57 (В.Г. Белинский). М., 1948-1951.
8. Н.А. Некрасов в воспоминаниях и документах. Л., 1930.
9. Н. А. Некрасов: pro et contra, антология. Т. 1. СПб., 2022.
10. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем в 15 т. Л. СПб., 1981-2000.
11. Некрасов в воспоминаниях современников в 2 т. М., 1987.
12. Переписка Н.А. Некрасова в 2-х т. М., 1987.
13. Робеспьер М. Избранные произведения в 3 т. М., 1965.
14. Тьер Л.А. История Французской революции в 3-х т. М., 2016.
15. Фихте И. Г. Сочинения. СПб., 2008.
16. Шеллинг Ф. Сочинения в 2 т. М., 1989.
17. Blanc L. Histoire de Dix Ans, 1830-1840. Nabu Press. 2012.
18. Прудон П.Ж. Что такое собственность? М., 1998.

Исследования

19. Андреевский С.А. О Некрасове // Андреевский С.А. Книга о смерти. М., 2005. С. 342-361.

20. Аникин В.П. Поэма Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». М., 1973.
21. Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838 -1848 // Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1989.
22. Анненков П.В. Николай Владимирович Станкевич и его переписка. М., 1857.
23. Архипов В.А. Поэзия труда и борьбы. Очерки творчества Н.А. Некрасова. М., 1973.
24. Ашукин Н. С. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. Л., 1935.
25. Березкин А. М. Семантика компоновки: авторские построения поэтических сборников Некрасова // Некрасовский сборник [Вып.] XIV. СПб., 2008.
26. Березкин А. М. «Сведение итога» в лирике Некрасова 1874 г. (Биографический, социальный и поэтический контекст) // Карабиха. Вып. VIII. Ярославль, 2013. С. 33-50.
27. Берёзкина С. В. «И в дом мой смело и свободно...» (к литературной истории сюжета) // Некрасовский сборник. [Вып.] XV-XVI. Брянск, 2019. С. 43-50.
28. Беседина Т.А. Эпопея народной жизни («Кому на руси жить хорошо»). СПб., 2001.
29. Бойко М. Н. Лирика Некрасова. М., 1977.
30. Бухштаб Б. Я. Н.А. Некрасов. Проблемы творчества. Л., 1989.
31. Вдовин А. В. Поэтические некрологи Некрасова о Белинском 1850-х годов: традиция и контекст // Карабиха. Вып. XI. Ярославль, 2020. С. 6-16.
32. Гаркави А. Становление реалистических жанров в поэзии Н. А. Некрасова. М., 1981.
33. Гин М. М. О своеобразии реализма Н. А. Некрасова, Петрозаводск, 1966.
34. Гин М. М. От факта к образу и сюжету: О поэзии Н. А. Некрасова, М., 1971.
35. Гин М.М. Эволюция замысла «Медвежья охота» и духовная драма

- Некрасова 1866—1867 гг. // Некрасовский сборник. [Вып.] VII. Л., 1980. С. 35-46.
36. Гинзбург Л.Я. О лирике. М., 1997.
 37. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л., 1977.
 38. Гиппиус В.В. Некрасов в истории русской поэзии XIX века. // Гиппиус В.В. От Пушкина до Блока. М., - Л., 1966.
 39. Горячкина М.С. Карающая лира // Н.А. Некрасов и русская литература. 1821-1871. М., 1971. С. 130-170.
 40. Григорьян К. Н. К вопросу о жанрах в лирике Некрасова // Некрасовский сборник. Вып. IV. Л., 1967. С. 145-157.
 41. Груздев А.И. Поэма Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». М., 1966.
 42. Данилевская М.Ю. Осколки голограммы. СПб., 2022.
 43. Дунаев М. М. Преступление перед будущим. М., 2006.
 44. Евгеньев-Максимов В.Е. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. Т. 1—3. Л., 1947—1952.
 45. Евгеньев - Максимов В. Е. Некрасов и его современники. М., 1930.
 46. Евгеньев-Максимов В. Е. Образ революционного демократа в поэзии Н. А. Некрасова (Стихи Некрасова о Чернышевском) // Некрасовский сборник. Вып. II. Л., 1956. С. 70-101.
 47. Есаулов И. Л. Литературоведческая аксиология: опыт обоснования понятия // Евангельский текст в русской литературе X—XIX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр / Петрозаводск, 1994. Вып. 1. С. 378-383.
 48. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М., 2004.
 49. Жданов В.В. Некрасов. М., 1971.
 50. Илюшин А.А. Поэзия Некрасова. М., 1998.
 51. Колесницкая И. М. Крестьянская тема и народное творчество в поэзии Н. А. Некрасова 60-х годов // Некрасовский сборник. Вып. II. Л., 1956. С. 15-69.
 52. Корман Б.О. Лирика Н. А. Некрасова. Воронеж, 1964.
 53. Корнилов А.А. Молодые годы Бакунина. Из истории русского романтизма. М., 1915.

54. Кошелев В.А. «Кому на Руси жить хорошо». О великой поэме и нерешенной проблеме. СПб., 2021.
55. Краснов Г. В. Н.А. Некрасов в кругу современников. Коломна, 2002.
56. Кучерская М. А. Байронизм Некрасова: к постановке проблемы // Карабиха. Вып. IX. Ярославль, 2016. С. 8-25.
57. Лебедев Ю. В. Н. А. Некрасов и русская поэма 40—50-х гг. Ярославль, 1971.
58. Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова в 3 т. СПб., 2006 – 2011.
59. Люизьер А. Некрасов и деньги // Карабиха. Вып. V. Ярославль, 2006. С. 48-56.
60. Макеев М.С. «Мороз, Красный нос» // От Крылова до Чехова. М., 1995.
61. Макеев М.С. Роберт Бернс и Томас Карлейль в поэтическом самоопределении Н.А. Некрасова в середине 1850-х гг. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2008. № 2. С. 62-71.
62. Макеев М.С. Некрасовская текстология в XXI веке: проблемы нового научного издания стихотворений Н. А. Некрасова в серии «Новая библиотека поэта» // Русская литература. 2021. №4.
63. Макеев М. С. Николай Некрасов. М., 2017.
64. Макеев М. С. Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель. М., 2009.
65. Макеев М.С. «О погоде» // От Крылова до Чехова. М., 1995.
66. Макеев М.С. Поэзия Некрасова и идеология русской радиальной интеллигенции середины 19-го века // К 60-летию профессора Анны Ивановны Журавлевой. М., 1998.
67. Макеев М.С. Спор о человеке в русской литературе 60-70 гг. XIX века. Литературный персонаж как познавательная модель человека. М., 1999.
68. Манн Ю.В. Гнезда русской культуры. Кружок и семья. М., 2016.
69. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
70. Мельгунов Б.В. Некрасов и Белинский в «Литературной газете». СПб., 1995.

71. Мельник В.И. Поэзия Н.А. Некрасова в свете христианского идеала. М., 2007.
72. Мережковский Д.С. О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы. СПб., 1893.
73. Мостовская Н.Н. Поэт и совесть // Карабиха. Вып. V. Ярославль, 2006. С. 57-65.
74. Мостовская Н. Н. Некрасов и Белинский в 1840-е годы // Некрасовский сборник. [Вып.] XI-XII. СПб., 1998. С. 15-69.
75. Мукаржовский Я. Эстетическая функция, норма и ценность как социальные факты // Труды по знаковым системам. Тарту, 1975. Вып. 7. С. 243-295.
76. Некрасов Н.К. По их следам, по их дорогам (Н.А. Некрасов и его герои). Ярославль, 1975.
77. Нечаева В.С. В. Г. Белинский: Учение в университете и работа в «Телескопе» и «Молве»: 1829—1836. Л., 1954.
78. Нечаева В.С. В. Г. Белинский: Жизнь и творчество: 1836-1841. Л., 1961.
79. Нечаева В.С. В. Г. Белинский: Жизнь и творчество: 1842-1848. Л., 1967.
80. Оксман Ю. Г. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958.
81. Пайков Н.Н. Творческая личность, самосознание художника и творческая индивидуальность Н.А. Некрасова. М., 2022.
82. Пайков Н.Н. Феномен Некрасова. Ярославль, 2000.
83. Пайков Н.Н. Человек жизненной рутины в поэзии Н.А. Некрасова // Русская литература. 2006. №4.
84. Прийма Ф. Я. Некрасов и русская литература. Л., 1987.
85. Прокшин В. Г. Путь к эпосе. Уфа, 1979.
86. Пыпин А.Н. Некрасов. СПб., 1905.
87. Розанова Л.А. Поэма Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

Комментарий. Л., 1970.

88. Розанова Л.А. Русский интеллигент в изображении Н.А. Некрасова // Карабиха. Вып. V. Ярославль, 2006. С. 5-30.

89. Сакулин П. Н. Некрасов. М., 1922.

90. Скатов Н.Н. Некрасов: современники и продолжатели. Очерки. М., 1986.

91. Скатов Н.Н. Некрасов. М., 2004.

92. Смирнов С.В. Христианские мотивы в ранней лирике Н.А. Некрасова // Карабиха. Вып. VII. Ярославль, 2011. С. 37-45.

93. Соболев Л.И. «Я шел своим путем...» // «Столетия не сотрут...». Русские классики и их читатели. М., 1989. С. 293-336.

94. Соколов Н. И. Некрасов и революционно-народническое движение 1870-х годов // Некрасовский сборник. [Вып.] V. Л., 1973. С. 28-41.

95. Степанов Н. Л. Некрасов и советская поэзия. М., 1966.

96. Твердохлебов И.Ю. Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». М., 1954.

97. Тынянов Ю.Н. Стиховые формы Некрасова // Тынянов Ю.Н. Литературный факт. М., 1993. С. 214-223.

98. Успенский П. Ф., Федотов А. С. Гражданское как интимное: дискурсивный контрапункт в стихотворении Н. А. Некрасова «Ночь. Успели мы всем насладиться...» // Русская литература. 2021. № 4. С. 38-51.

99. Успенский П. Ф., Федотов А. С. Изобретение социальной поэзии: от пения цыганок к «Тройке» Некрасова // Складчина. Сборник статей к 50-летию профессора М.С. Макеева. М., 2019. С. 214-242.

100. Филипповский Г. Ю. Глубины некрасовского текста. Ярославль, 2010.

101. Филипповский Г.Ю. Некрасов как поэт-шестидесятник // Карабиха. Вып. VI. Ярославль, 2009. С. 57-61.

102. Флаэрти Дж. Новый человек и народ: лирический голос и поэтическое народовластие у Н.А. Некрасова // Русская литература. 2021. № 4. С. 52-64.

103. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

104. Хализев В.Е. Ценностные ориентации русской классики. М., 2005.
105. Чудаков А.П. Слово и предмет в стихе Некрасова // Чудаков А.П. Слово — вещь — мир. От Пушкина до Толстого. М., 1992.
106. Чуковский К.И. Люди и книги. М., 1960.
107. Чуковский К.И. Мастерство Некрасова. М., 1955.
108. Чуковский К.И. Некрасов. Л., 1926.
109. Эйхенбаум Б.М. Некрасов // Эйхенбаум Б.М. О прозе. О поэзии. Л. 1986. С. 340-373.
110. Klioutchkine K. Between Sacrifice and Indulgence: Nikolai Nekrasov as a Model for the Intelligentsia // Slavic Review. 66.1 (Spring 2007).
111. Luisier A. Nikolaj Nekrasov. Ein Schriftsteller Zwischen Kunst, Kommerz Und Revolution. Zürich: Pano Verlag, 2005.
112. The New Economic Criticism. Studies at the Intersection of Literature and Economics. Routledge, 1999.
113. 魏荒弩：《论涅克拉索夫》，北京：北京大学出版社，2000年。第282页。/ Вэй Хуанби. О Некрасове. Пекин, 2000.
114. 王会珍：论涅克拉索夫创作中的人民思想[D]。济南：山东大学 2005年。/ Ван Хуэйчжэнь. Мысль народная в творчестве Н. А. Некрасова. Диссертация на соискание ученой степени магистра филологических наук. Шаньдунь, 2005.
115. 付美艳：《涅克拉索夫的诗歌创作与民间文学》，2017年11月01日，黑龙江大学出版社，共261页。/ Фу Мэйянь. Поэзия Н.А. Некрасова и народное творчество. Харбин, 2017.
116. 付美艳：《涅克拉索夫的诗歌创作与民间文学》，上海外国语大学博士学位论文。上海，2014。共138页。/ Фу Мэйянь. Поэзия Некрасова и фольклор. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Шанхай, 2014.
117. 张玉华：涅克拉索夫作品中的女性形象。上海外国语大学语言学硕士论文 [D]。1993。/ Чжан Юйхуа. Женские образы в творчестве Некрасова.

Диссертация на соискание ученой степени магистра филологических наук.
Шанхайский университет иностранных языков[D]. 1993.